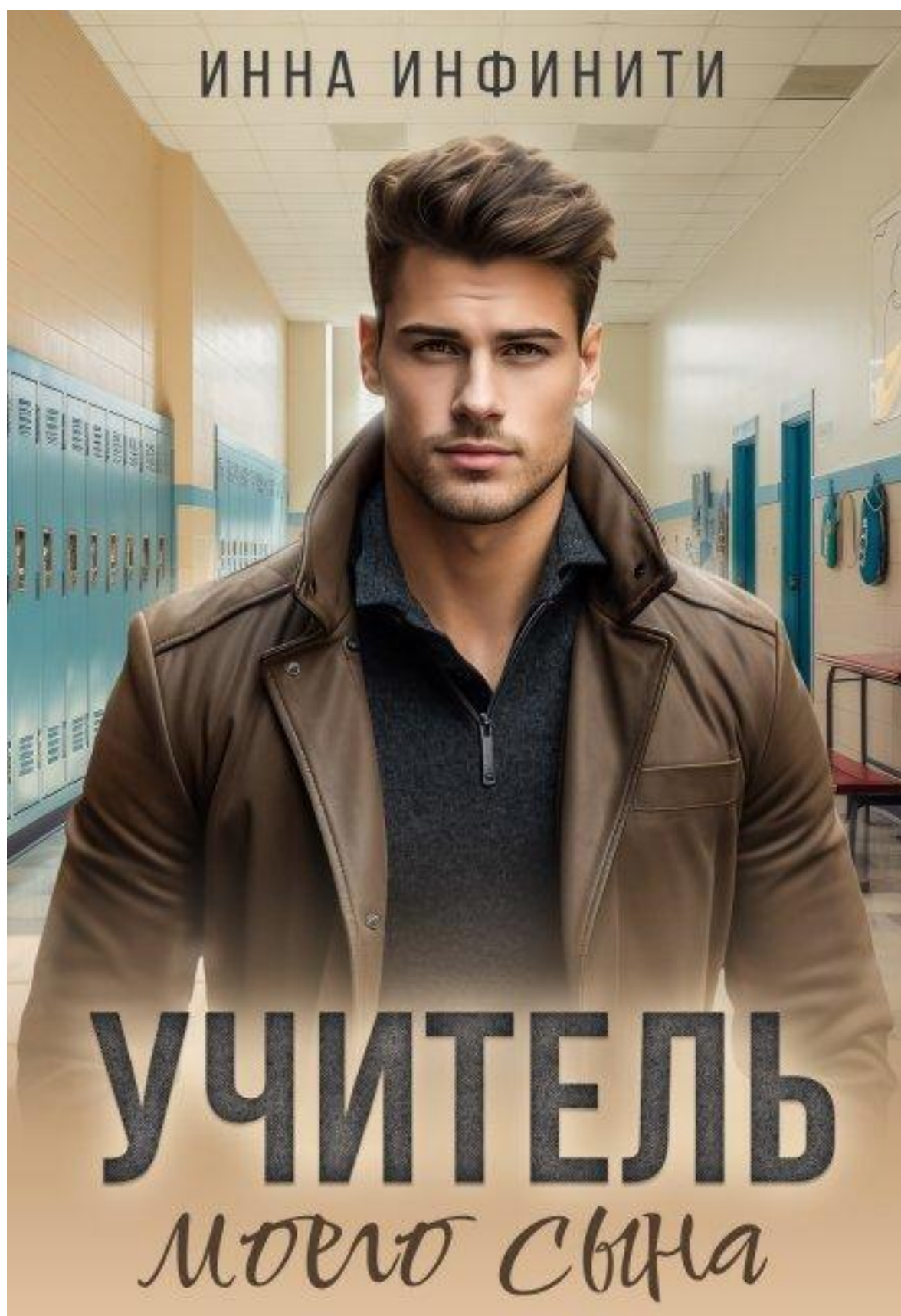

ИННА ИНФИНИТИ

УЧИТЕЛЬ
МОЕГО СЫНА

Инна Инфинити

Учитель моего сына

«Литнет»

2024

Инфинити И.

Учитель моего сына / И. Инфинити — «Литнет», 2024

Я — мать-одиночка в разводе. Он — новый классный руководитель моего сына. Что может связывать школьного учителя и родительницу одного из учеников? Помимо успеваемости ребенка и уроков. Их может связывать одна ночь. Очень жаркая, очень страстная. Незабываемая. А еще... жгучее желание ее повторить. История Кости, друга Матвея из книги «Развод с мужем. После»;

© Инфинити И., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1. Первый встречный	5
Глава 2. Разведенка	9
Глава 3. Девушка из провинции	11
Глава 4. Букет для мужчины	14
Глава 5. Первое сентября	16
Глава 6. Мальчик по вызову	19
Глава 7. К директору	22
Глава 8. В долг	24
Глава 9. Бойня за петуха	28
Глава 10. Молодой учитель	30
Глава 11. Слабак	32
Глава 12. Невиновный	35
Глава 13. Замечательный сын	37
Глава 14. Сын министра	40
Глава 15. Драка	43
Глава 16. Зачинщик	46
Глава 17. Больше не сбежишь	49
Глава 18. Наслаждение	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1. Первый встречный

Я просыпаюсь от чужого прикосновения к своему телу. Тяжелая горячая рука — очевидно, мужская — скользит вверх по моей обнаженной ноге, переходит на талию, идет вверх, накрывает голую грудь и сжимает ее. Моментально открываю глаза и в ужасе тарашусь перед собой.

Где я?

Какая-то незнакомая комната. Похожа на номер в отеле. Подскакиваю на постели и поворачиваюсь. Рядом со мной на кровати лежит какой-то мужик. Он спит. Белоснежное одеяло съехало вниз по его атлетическому торсу и едва прикрывает бугорок между ног.

А бугорок становится все выше и выше. Прямо на моих глазах.

Оглядываю себя. Я голая. Абсолютно. Даже трусов на мне нет. Они валяются на полу вместе с моим платьем и босоножками. И вместе с одеждой этого мужика.

Зажимаю пальцами переносицу и зажмуриваюсь. Мамочки, как я могла так низко пасть? Как я буду смотреть людям в глаза? Я теперь та самая проститутка, в которую бабки у подъезда тычут пальцем. Позор.

Меня зовут Светлана, мне двадцать девять лет, я мать-одиночка в разводе и у меня пять лет не было секса до сегодняшней ночи.

— Привет, — звучит сбоку.

Я аж вздрагиваю. Он проснулся. Этот красавчик с белоснежной голливудской улыбкой и телом Аполлона. Сколько раз за ночь я с ним кончила? Три? Четыре? За семь лет со своим бывшим мужем я не кончала столько раз, сколько с этим первым встречным за одну ночь.

— Привет.

Мне стыдно смотреть в его дьявольски красивые карие глаза.

— Меня Костя зовут. А тебя как?

Ему бы больше подошло имя Аполлон.

— Света.

Вот и познакомились. Вчера нам было не до формальных представлений.

— Очень приятно, — говорю. — Доброго тебе утра, а я пойду, — делаю попытку встать с кровати, но крепкая мужская рука перехватывает меня за талию и валит обратно на постель.

В следующую секунду Костя оказывается на мне сверху.

— Чтобы утро было по-настоящему добрым, — мурлычет мне на ухо как мартовский кот, — нужно его скрасить.

Горячие мужские губы касаются тонкой кожи на моей шее. Рвано выдыхаю, чувствуя, как за мгновение между ног становится горячо и мокро.

Глас разума кричит: «Света, беги!».

Совість поддакивает: «Как тебе не стыдно, Света? Ты же мать».

Но сопротивляться нет ни сил, ни желания. Я хочу снова отдаться ему — этому нереальному красавцу с офигенным телом и большим членом, которым он отлично умеет пользоваться.

В конце концов, у меня пять лет не было секса, вдруг еще столько же не будет?

Отрываю лицо Аполлона от своей шеи и впиваюсь ему в губы. Страстно и нетерпеливо. Его горячий язык тут же проникает ко мне в рот. Я аж стону от удовольствия и сама раздвигаю ноги, чтобы побыстрее в меня вошёл.

— Подожди, — шепчет.

Прерывает поцелуй и тянется к тумбочке. Достает из упаковки презерватив и надевает на член. Я внимательно смотрю, как незнакомец раскатывает резинку по стволу, отчего мое

возбуждение усиливается настолько, что начинаю ёрзать на постели. Костя замечает это. Самодовольно ухмыляется. Знает, что хорош, и пользуется этим.

Быстрым движением руки переворачивает меня на живот и входит сзади. Когда член скользит в меня, зажмуриваюсь от наслаждения. Я и не знала, что секс может быть настолько прекрасен. Ритмичные толчки возводят меня на вершину блаженства. Хватаю зубами подушку, чтобы не разбудить своими стонами всю гостиницу. Горячее дыхание Кости мне в затылок разгоняет по телу мурашки. Он целует и слегка кусает мою кожу на спине. Просовывает мне под живот ладонь и накрывает клитор.

— Ах.

Невозможные ощущения. Неземные. Сумасшедшие. Мамма миа. Я сейчас разорвусь на мелкие атомы.

Константин поднимает мой корпус, сажая меня на колени. Упираюсь руками в стену, пока он продолжает входить в меня сзади. Откидываю голову назад ему на плечо. Одна рука Аполлона сжимает мою грудь, вторая хозяйничает у меня между ног.

— Ты такая горячая и мокрая. С ума сойти.

Входит в меня до конца и замирает. Мне льстит, что ему тоже доставляет удовольствие заниматься со мной сексом. У этого Аполлона девушек было немерено. У него на лбу написано, что он разбиватель женских сердец. Поэтому мне приятно, что ему со мной нравится.

Мы меняем несколько поз. Он сверху, на боку, снова сзади, на другом боку, на краю кровати... Я больше не сдерживаю стонов. Пусть вся гостиница слышит, как мне хорошо. Я достигаю оргазма, кончаю так, что искры из глаз летят. А у Кости член еще стоит. Падаем на кровать. Отдышавшись немного, он говорит:

— Давай ты сверху.

Перекидываю через него ногу, но не сажусь сразу на член. Оглядываю Аполлона полностью. Ему бы в Голливуде сниматься. Разве законно быть таким красивым?

— Ты женат? — зачем-то задаю дурацкий вопрос.

— Нет.

Как такой красивый мужчина и профессионал в постели может быть не женат? Неужели не нашлось ни одной предприимчивой девушки?

— Садись на него.

Сам берет меня за бедра и опускает на свой член. Стонем одновременно. Я откидываю голову назад и начинаю двигаться. Сначала медленно, потом постепенно наращиваю темп, пока не принимаюсь прыгать как не в себе. Аполлон поддерживает меня за талию, иначе свалюсь с него.

Костя отрывается спиной от кровати, садится, удерживая меня сверху. Обнимает и сажает на член до упора. Падаю лбом на его лоб. Шумно дышим друг другу в губы.

— Сколько же в тебе страсти, — хрипло говорит. — Ты ураган.

Хотела бы я сказать, что у меня просто пять лет не было секса, но решаю промолчать. Не двигаясь, просто сижу на нем. Ловлю губами Костино дыхание. Дрожу.

Он ведет руками вверх по моей спине. Запускает ладони в длинные светлые волосы, просеивает их через пальцы. Потом перемещает руки на мое лицо. Водит по нему, едва касаясь, подушечками пальцев. Делает это настолько нежно и интимно, что у меня внутри все скурживается. Я держусь за его шею и боюсь шелохнуться, чтобы не испортить момент.

Костя чуть притягивает мое лицо к себе ниже и целует меня. Шумно выдохнув через нос, отвечаю на ласку тёплых губ. Тоже глажу Константина по шершавым щекам, запускаю пальцы в короткие волосы на затылке. Мы просто целуемся, несмотря на то, что я продолжаю сидеть верхом на его члене.

И этот поцелуй по своим ощущениям не уступает оргазму. Разве может поцелуй быть ТАКИМ!? Нежным, ласковым, горячим и страстным одновременно? Сводить с ума, разгонять по крови адреналин и заставлять сердце биться чаще? Это же всего лишь поцелуй.

О, нет. Это больше, чем поцелуй. Это единение тел и душ. Это взрыв каждой клетки в теле. Это рай. Это космос.

И почему-то у меня нет сомнений, что Костя сейчас испытывает ровно то же самое, что я.

Он отпускает мои губы, целует подбородок, шею и утыкается носом в ложбинку между ключицами. Делает глубокий вдох.

— Ты пахнешь так, что ты пьянишь и взрываешь бошку.

По позвоночнику пробегает озноб, потому что никто никогда в жизни не говорил мне ничего подобного. Я чуть отстраняюсь от Кости и смотрю ему в глаза. Клянусь, время замирает в эту секунду и мир останавливается. Моя ладонь на его грудной клетке, и я чувствую, как сердце Кости пропускает несколько ударов, а следом пускается вскачь галопом. Мое проделывает то же самое.

Он резко притягивает меня к себе за затылок. Снова целует. Параллельно опускает руки мне на талию и подталкивает меня к новым движениям. Я возобновляю скачки на члене, и через минуту мы оба громко и бурно кончаем.

Прямо так, переплетаясь друг с другом, падаем на кровать. Костя аккуратно из меня выходит, но не выпускает из объятий. Прижимает к себе крепко. Я лежу, уткнувшись ему в грудь, и не понимаю, как такое вообще возможно. Чтобы с первым встречным... и такие ощущения... и этот поцелуй... и этот взгляд глаза в глаза... У меня с мужем, с отцом моего ребенка такого никогда не было. А тут... с первым встречным.

Он целует мои волосы, дышит моим запахом, гладит по спине. Не выпускает меня из своих рук. А я плотнее к нему жмусь, тоже обнимаю. Несколько раз целую в грудь. У меня ощущение, что мы знакомы всю жизнь, хотя ничего кроме имени о нем не знаю. Разве такое возможно с первым встречным?

Я хочу продлить это мгновение покоя и умиротворения. Счастья. Да, в данную секунду я абсолютно счастлива. Вот бы так было всегда. Просыпаться вместе с Костей каждое утро, заниматься любовью, потом лежать в обнимку, как сейчас. Ощущать его дыхание на своей коже, слушать сердцебиение и млеть от нежных поцелуев.

Так, стоп.

Света, спустишься с небес на землю. Таким Аполлонам неинтересны разведёнки с прицепом. Если ты сейчас скажешь ему, что у тебя одиннадцатилетний бунтарь, хулиган и сорванец, а еще бывший муж, который постоянно треплет нервы, то от Кости и следа не останется. Сдалась ты ему с ребенком, ворохом проблем и ипотекой.

И сразу так гадко на душе становится, что реветь хочется.

Я давно сняла розовые очки и приняла реальность такой, какая она есть: за разведённой женщиной с ребенком не стоит очередь из мужиков. Да, бывает разведёнки с детьми выходят снова замуж, рожают еще детей, но... Редко это. И сложно. Как правило, мужчины не горят желанием воспитывать чужих детей. Они и своих-то не очень готовы воспитывать, а чужих — тем более.

Да и женщина с ребенком, если она нормальная, не за каждого пойдет. А я отношу себя к нормальным. Я не смогу быть с мужчиной, который не будет любить моего сына как родного. Но тут мы возвращаемся к тому, что мужчины и родных детей зачастую не очень любят. Когда мой бывший муж последний раз звонил нашему сыну? То-то и оно. В общем, замкнутый круг.

— Я быстро в душ схожу, — Костя прерывает поток мыслей в моей голове и выпускает меня из рук. — Не уходи никуда, хорошо? Дождись меня. Позавтракаем вместе, потом я отвезу тебя домой. Дашь мне свой номер?

— Зачем тебе мой номер? — удивляюсь.

— Ты мне очень понравилась. Я хочу еще с тобой встретиться.

— Я думала, у нас секс на одну ночь.

— Если секс был хорошим, то можно повторить. Какие у тебя планы на завтра?

Я чуть было не ляпаю, что завтра двадцать четвёртое августа, а значит, осталась всего неделя для подготовки к школе. Мой сын идет в шестой класс, и мне нужно тщательно проверить, все ли у него готово: одежда, обувь, учебники, тетради, канцелярские принадлежности. Еще нужно прочитать триста сообщений в родительском чате нашего класса, постараться отмазаться от школьных активностей типа субботников и прочей белиберды, сдать деньги на букет для классной руководительницы, купить ей отдельный подарок от себя, так как в прошлом году мой сын несколько раз довёл ее до нервного срыва... В общем, дел много.

— На завтра никаких планов.

Ни к чему Аполлону знать мои дела. Только забивать его красивую голову ненужной информацией.

— Никуда не уходи, — предупреждающе грозит указательным пальцем. — Я быстро.

Костя встает с постели и шагает в сторону белой двери, ведущей в ванную. Я с тоской провожаю его красивую сильную спину. Как только раздается шум воды, подскакиваю с кровати и принимаюсь быстро одеваться. Натягиваю белье, платье, обуваю босоножки, оглядываюсь в поисках сумочки. Начинаю нервничать, когда долго ее не нахожу. Наконец-то вижу ремешок. Он торчит из-под тумбочки.

Перекинув сумку через плечо, хочу выбежать из номера, но притормаживаю. Вода за дверью еще льётся.

Я прошла хорошую школу жизни и усвоила один важный урок: ничего не достаётся просто так и за все нужно платить. Зачастую — платить в прямом смысле этого слова. Оргазмы — не исключение. Поэтому достаю из кошелька сто долларов и кладу вместе с запиской на тумбочку, где лежат часы и телефон Кости.

«За оргазмы», пишу в записке.

А у него дорогие ролексы. Беру их и рассматриваю. Платиновые. Сколько такие стоят? Миллион? Я разбираюсь в лакшери-аксессуарах. Это точно настоящие швейцарские ролексы. Моя бровь ползёт вверх. А Аполлон не так прост. Подхожу к его одежде, валяющейся на полу. Джинсы и футболка от очень дорогих брендов.

Интересно, кем Костя работает? Банкиром? Нефтяником?

А впрочем, какая мне разница? Все равно я больше никогда его не увижу.

Выхожу из номера и бегу к лифтам.

Глава 2. Разведенка

Как вообще так вышло, что я оказалась в одной постели с первым встречным?

Это был необдуманный порыв отчаявшейся женщины.

Мы с подругами сидели в баре и отмечали мое повышение. Вчера я стала заместителем главного редактора крупнейшего медиахолдинга. Я долго ждала эту должность. И вот свершилось. Захотела отметить, пригласила подруг.

За соседним столиком в баре сидели четыре парня в районе тридцати лет. Двое из них с обручальными кольцами, а еще двое без. Примерно в десять вечера женатые ушли из бара, а те, что без колец, остались.

Официант принёс нам с подругами бутылку шампанского и сказал, что она от парней за тем столиком. Одна из моих подруг их громко поблагодарила, они что-то ответили. Слово за слово, завязался разговор. У меня в этот момент зазвонил мобильный. На проводе был бывший муж.

Вот чувствовала я, что не надо брать трубку. Никогда ничем хорошим не заканчиваются наши разговоры. Так и оказалось. Я вышла на улицу, чтобы поговорить с Антоном. С первых слов поняла, что он пьян. И началось: ты разрушила нашу семью, давай попробуем еще, у нас ребенок... и так далее. Вишенкой на торте стало, что в конце Антон попросил у меня денег в долг. Сам ни разу за все годы после развода ни рубля алиментов мне не заплатил, а у меня просит деньги! Да и когда были женаты, ни копейки не давал. Или не работал, или спускал все на друзей.

Поругавшись с Антоном, я вернулась в бар. Настроение было испорчено. И я сделала то, что мне делать категорически нельзя — выпила алкоголь. Бокал того самого шампанского, которое передали нашему столику два парня. Они, кстати, уже сидели у нас и мило беседовали с моими подругами. Видимо, парни не знали, что им ничего не светит, иначе бы не тратили на нас время. Две мои подруги давно замужем, еще одна в серьезных отношениях, а я разведенка с прицепом.

Я не дружу с алкоголем. Очень быстро пьянею и начинаю творить всякую дичь. Мои подруги засобирались домой к мужьям, одна из них предложила меня подвезти, но я отказалась. Потом куда-то делся друг Кости, и мы с Аполлоном остались вдвоём. Он не сказал мне своего имени. Возможно, он представлялся моим подругам, когда я вышла разговаривать по телефону. Я свое тоже не назвала. Да, в общем-то, нам было не до этого. Я выпила еще два бокала шампанского и потащила Костю танцевать.

Ну а дальше огонь, страсть, жаркие поцелуи, первая попавшаяся гостиница и оргазмы, как в порно.

Откидываюсь затылком на сиденье такси и закрываю глаза. Щеки заалели. Повезёт же будущей жене Кости. Такого красавца и секс-гиганта себе отхватит.

Из груди вырывается вздох сожаления. А может, следовало дожидаться Костю из душа, позавтракать с ним, оставить номер и встретиться еще? Вдруг бы что-нибудь получилось?

Да ну, Света, не будь наивной. Забыла, как мужчины сбегали от тебя после первого же свидания, когда узнавали про ребенка? И Костя бы сбежал. Никому твой сын, кроме тебя, не нужен.

На часах десять утра. Захожу домой тихо, но в комнате ребенка уже работает телевизор, а из кухни доносится запах чего-то вкусного. В коридор выходит мама.

— Света! Ты где была всю ночь?

Ох... Начались расспросы. Мама оглядывает меня с головы до ног, в ее глазах загорается любопытство.

— Да я отмечала с девочками повышение, а потом осталась у одной из них...

Замолкаю. Мои слова прозвучали невнятно. Мама многозначительно кивает.

— У одной из них... — задумчиво повторяет.

— Ага. Как Лешка? — тут же перевожу тему.

— Проснулся, смотрит телевизор.

— А уснул вчера как?

— Опять до ночи играл в приставку. Пока не отобрала ее, не уснул.

— Правильно.

Я быстро проскальзываю в свою комнату. Неделью назад мама привезла мне сына. Он был у нее на летних каникулах. За все лето бывший муж не нашел ни дня, чтобы встретиться с ребенком! Хотя находился с ним в одном городе. А вчера предъявлял мне претензии, что я увезла Лешку в Москву и не даю ему видиться с сыном.

При воспоминании о бывшем муже меня начинает трясти. Что он от меня хочет? Ему никогда не была нужна ни семья, ни ребенок. Вот я подала на развод, живи теперь как хочешь! Но нет же. Надо продолжать меня доставать даже в другом городе. Видите ли, я разрушила наш брак. Значит, то, что Антон не работал, выпивал и поднимал на меня руку — это он не разрушил брак. А я подала на развод и ушла — я разрушила брак. Какая интересная мужская логика.

Дверь моей комнаты бесцеремонно распахивается.

— Мам, бабушка забрала у меня приставку! Скажи ей, чтобы отдала!

На пороге стоит возмущенный Леша. Не умылся еще после сна, волосы взъерошены.

— А ты к школе подготовился?

— Да что там готовиться.

— Вам много всего на лето задали.

— Нам ничего не задали.

Врет и не краснеет.

— А в чате родителей писали, что много задали, — чуть повышаю голос. — Особенно по литературе. Ты все прочитал?

Брезгливо морщится.

— Зачем вообще читать эти книги? Где они мне в жизни пригодятся? Пушкину было скучно, он написал тонну всего, а я теперь должен мучиться и читать это. Зачем?

Я аж сходу не нахожусь с ответом.

— Кстати, у нас новый классный руководитель! — быстро меняет тему.

— Да? — удивляюсь. — Кто?

— Какой-то мужик. Он раньше в нашей школе не работал. Будет вести математику.

— А старая классная куда делась?

— Говорят, уволилась.

— Надеюсь, она не из-за тебя уволилась!?

— Да почему сразу из-за меня? — оскорбляется.

— Ты ей весь год нервы трепал, уроки срывал.

— Это она до меня все время докапывалась без повода.

— Оладьи готовы, идите завтракать! — громко звучит на всю квартиру мамин голос.

Лешка пользуется случаем, чтобы смыться от моих расспросов. Я падаю с телефоном в кресло и захожу в Курятник. Это я так мысленно прозвала чат нашего класса. Потому что там только и делают, что кудахчут мамки-наседки, у которых в жизни нет ничего кроме школы и детей.

А в Курятнике все триста непрочитанных сообщений только о том, что у нас новый классный руководитель.

Глава 3. Девушка из провинции

Объявление о новом классном руководителе сильно озадачило меня. С одной стороны, это хорошо. С предыдущей классной были плохие отношения, она без конца вызывала меня в школу, а я устала задаривать ее подарками. Но с другой стороны, надежды на то, что в этом учебном году Леша будет вести себя лучше, у меня нет. Он также продолжит хулиганить в школе.

Я не могу ничего с этим сделать. У моего сына ужасное поведение в школе, и я не имею ни малейшего понятия, как это исправить. Ни воспитательные беседы, ни наказания не помогают. Ничего не меняется. А бить своего ребенка я не буду. Да даже если и побить его ремнём, тоже ничего не изменится.

Но при всем своем ужасном поведении мой сын не двоечник. Тройки есть, да. Но не двоечник. А по каким-то предметам даже отличник. По математике пятерка. А новый классный как раз математику вести будет. Вдруг мой Лешка ему понравится?

Разочарованно вздыхаю, выключаю кран и выхожу из душа.

Нет, не понравится. Потому что Леша обязательно с кем-нибудь подерётся, разобьёт окно, нахамит учительнице по английскому... Как обычно, в общем.

— Свет, может, я уже к себе поеду? — спрашивает мама, когда я вхожу на кухню и ставлю вариться кофе на плиту. Лешка уже позавтракал и ушел в свою комнату. — Или я тебе еще нужна?

— Мам, ну побудь хотя бы до первого сентября.

— А няня когда появится?

— Через несколько дней.

— А зачем я тут, если будет няня?

— Няню нужно ввести в курс дела.

— Зачем вообще Леше няня? — мама упирает руки в бока. — Только зря деньги транжиришь. Школа в десяти минутах пешком, Лешка абсолютно самостоятельный. Он летом сам себе готовил есть, пока я в огороде работала.

— Это не просто няня, а няня-гувернантка. Она будет делать с Лешей уроки. Без гувернантки он целыми днями будет играть в приставку и болтаться по улице. А так хоть какая-то дисциплина, пока я на работе.

Мама скептически морщит лицо.

— Так забери у него приставку, делов-то. Я вообще не понимаю, зачем ты ее купила.

Снимаю турку с плиты и наливаю кофе в кружку.

— Если я заберу у Леши приставку, то он пойдёт играть в нее домой к друзьям.

— И ты думаешь, он будет слушаться какую-то гувернантку? Он учителей в школе не слушается, мне огрызается, а какую-то гувернантку будет слушать?

Мама наступила на больную мозоль.

— Надо, чтобы за Лешей кто-то присматривал, пока я на работе. Ты не хочешь переезжать в Москву, значит, будет гувернантка.

— Как хочешь, — машет рукой. — У тебя сейчас денег много.

— Да при чем тут деньги? — злюсь. — Весь прошлый учебный год Леша садился делать уроки в девять вечера, когда я возвращалась с работы и спрашивала про них. Он приходил из школы и делал что угодно, но только не уроки. Надо, чтобы кто-то с ним находился и контролировал это.

— Просто будет ли он ее слушаться?

— Я не знаю, мама, посмотрим, — устало произношу.

— Я бы переехала в Москву, чтобы тебе помогать, но на кого я оставляю дом, огород и кур?

— Куры — это, конечно, очень важно! — язвлю.

Я из очень маленького провинциального городка с населением сорок тысяч человек. До Москвы ехать полтора суток на поезде. В моей жизни все было слишком прозаично. Первая любовь в 17 лет с самым красивым парнем школы. Он прогуливал уроки, курил за гаражами, отвешивал щелбаны мальчикам из классов младше и почему-то считался крутым.

После школы я поступила в институт в столице нашей области на факультет журналистики, а Антон никуда не поступил и планировал идти в армию. Я собиралась его ждать. В конце сентября в день моего совершеннолетия Антон лишил меня невинности, а через три недели тест на беременность показал две полоски.

К этому ни была готова ни я, ни он. Первое, что мне сказал Антон: «Иди делай аборт».

И я пошла. Тряслась от страха, грызла ногти и без конца плакала. А врачом-гинекологом оказалась мамина знакомая. Услышав от меня, что я хочу прервать беременность, она тут же схватила телефон и позвонила моей маме. В мгновение ока прилетела родительница, схватила меня за шкирку и потащила домой. Там она сначала надавала мне подзатыльников, а потом весь вечер жалела и утешала, пока я рыдала.

Следующим утром мама пошла на разборки к родителям Антона. После долгих скандалов и переговоров было решено, что мы с Антоном должны пожениться. Я была не против, потому что Антона искренне любила. А вот он жениться на мне не хотел, но родители заставили. Мы расписались и ровно через неделю Антон ушел в армию.

Беременность была тяжёлой, в институте пришлось перевестись на заочное отделение. Антон звонил мне из армии, интересовался моим самочувствием. Иногда даже говорил, что любит меня. Это немного придавало сил. Я родила Лешу семимесячным, нас долго не выпи-сывали. А когда выписали, я познала все тяготы молодой матери с орущим ребенком. Я жила у своей мамы, хотя на так называемую «свадьбу» родители Антона подарили нам маленький домик, оставшийся после его бабушки.

Когда Антон вернулся из армии, мы стали жить в этом доме. Жили плохо. Бывшего мужа раздражал плач ребенка, он совершенно мне не помогал и постоянно пропадал у друзей. На мои претензии отмахивался. Толком Антон нигде не работал. Деньги нам давали моя мама и его родители. Да и деньгами эти крохи сложно назвать. Я даже подгузники не могла купить Леше.

Когда сыну исполнилось два года, я отдала его в ясли и пошла работать. О том, чтобы устроиться куда-то по специальности журналистом, и речи не могло быть. Я крупно ошиблась с профессией. Не было в нашем городе никакой журналистики. Одна мелкая газета не в счет. Поэтому работала я где придется: кассиром в супермаркете, санитаркой в больнице, нянечкой в Лешкином саду. Потом повезло устроиться в городскую библиотеку. Мое журналистское образование прокатило за филологическое.

Жизнь с Антоном становилась все хуже и хуже. Работал он через пень колоду, денег от него было не добиться. Постоянно шлялся по друзьям, не приходил ночевать домой или приходил пьяным. Когда я начинала ругаться, Антон поднимал на меня руку.

Несколько раз я уходила от него к маме. Тогда Антон резко исправлялся, тут же находил какую-то работу, бросал пить. Клялся и божился, что это больше никогда не повторится. Сначала я верила, хотела дать ему шанс. Потом верить перестала и возвращалась только из-за ребенка. Леша очень любил Антона, хотел быть с папой. Любви к бывшему мужу у меня больше никакой не было. Только отвращение.

А потом я поняла, что не могу жить с Антоном даже ради ребенка. Не могу и все. Лучше смерть, чем такая жизнь. Я в десятый раз ушла от него, но впервые подала на развод официально. Напоследок Антон наговорил мне каких-то гадостей, предрёк, что я приползу к нему на коленях и все в таком духе. Общаться с Лешей он желанием не горел. Сын плакал, что папа к нему не приезжает, но даже видя слезы ребенка, я не могла снова вернуться к Антону.

Моей зарплаты библиотекаря и маминой повара в медучилище нам едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Алименты Антон не платил. Хотя я уже привыкла считать каждую копейку и абсолютно во всем себе отказывать, в какой-то момент стало совсем невмоготу. Цены в магазинах росли как бешеные, а зарплаты стояли на месте. Я поняла, что нужно что-то делать.

И я решилась на самый безумный поступок в своей жизни — поехать в Москву.

Глава 4. Букет для мужчины

Я никогда не была в столице, видела только фотографии Красной площади в интернете. Когда я сказала маме, что собираюсь ехать работать в Москву, она схватила за сердце. А я была решительна, как никогда. Пошла и совершила еще один безумный поступок — взяла в банке сто тысяч рублей в кредит. Об этом я маме не сказала, а то бы ее хватил инфаркт. Я сняла по интернету комнату в коммунальной квартире, купила билет на поезд в плацкарт и поехала в Москву. Леша остался с мамой.

Я очень быстро устроилась в Москве в библиотеку. Зарплата оказалась в разы выше, чем в библиотеке в моем родном городе. Мне хватало денег снимать комнату, платить кредит, скромно жить и помогать маме. Но я хотела большего. В глубине души еще жила моя детская наивная мечта стать журналистом, как в кино. Писать статьи на острые темы, брать интервью у влиятельных людей, ездить в командировки.

Однажды я решилась и начала рассылать резюме по редакциям. «Резюме» — это громко сказано. У меня не было вообще никакого опыта, поэтому в сопроводительном письме я указывала, что готова работать 24 часа в сутки 7 дней в неделю, лишь бы меня взяли.

И меня взяли.

Я не могла поверить своему счастью. Скакала по комнате и визжала. Меня приняли корреспондентом в отдел общества писать про происшествия. Зарплату предложили меньше, чем у меня было в библиотеке, но я все равно согласилась. Пришлось посильнее затянуть пояс, но мне было не привыкать. Я умела жить на триста рублей в неделю.

В газете все сложилось как-то само собой. Начальство было хорошим, коллектив дружным, работа интересной. У меня руки горели, когда я печатала статью. Я не уставала ездить по Москве на происшествия, не уставала работать по выходным. По первому звонку начальницы ночью я была готова отправиться в командировку. Видя мои старания, мне сразу повысили зарплату. Потом повысили еще раз и еще. Я не то что стала нормально жить и отправлять маме посылки с дорогими вещами для нее и Лешки, у меня даже получалось копить.

У меня появилась новая мечта — купить в Москве квартиру и забрать сына.

Я просто хорошо делала свою работу, а начальство замечало мой труд и ценило его. Мою начальницу, редактора отдела общества, переманили работать в другую газету, и главный редактор предложил мне занять ее место. Так я стала руководителем отдела из шести человек. Потом акционер нашей газеты решил объединить ее с двумя своими телеканалами и сделать целый медиахолдинг.

В результате объединения активов, реорганизации и оптимизации многие люди ушли. В частности, уволился один из заместителей главного редактора газеты, который отвечал за планирование печатного номера. Его место предложили мне. Через полгода главный редактор газеты стал главным редактором всего объединенного медиахолдинга. Я думала, он сразу сделает меня своим замом по холдингу, но этого пришлось ждать несколько лет.

Год назад я купила в Москве хорошую трехкомнатную квартиру и наконец-то забрала Лешку. Да, квартира в ипотеку. Да, на двадцать лет. Ну и что. Ежемесячный платеж не бьет по моему карману, я могу позволить себе все, что захочу. В пределах разумного, конечно. Платиновые ролексы за миллион, как у Аполлона, я себе не куплю.

Леша пошел в Москве в пятый класс. В столице ему нравится. В нашем родном городе остались друзья, но и здесь он без проблем нашел новых. Мама считает, что я слишком сильно балую сына, покупая ему дорогую одежду и телефоны последних моделей. А я хочу баловать сына. Хочу, чтобы у него было все самое лучшее и красивое, чтобы он не знал нужды и не испытывал чувство зависти, что у кого-то есть крутой телефон, а у него нет.

Возможно, я допускаю ошибку в воспитании ребенка, я не знаю. Поведение у сына ужасное, но это не из-за переезда в Москву. Он и в нашем городе срывал в школе уроки. Наверное, нужно честно себе признаться: Леша пошел в Антона. Тот в школе был таким же. Но я ни в коем случае не люблю своего сына меньше из-за того, кем является его отец. Леша — это лучшее, что произошло со мной в жизни. Я безмерно благодарна маме за то, что она не позволила мне сделать аборт.

— У Лешки новый классный руководитель, — говорю маме, делая глоток кофе. — Мужчина. Не знаю, что подарить ему первого сентября.

— Зачем что-то ему дарить?

Мама как всегда.

— Простую классную Леша доводил. Этого тоже будет доводить. Хочу как-то задобрить его, хорошо расположить к Лешке.

Мама снова машет на меня рукой.

— У тебя денег много, дари, что хочешь.

— Так в том и проблема: я не знаю, что ему подарить! Он мужчина! Женщине-учительнице можно подарить цветы и сертификат в магазин косметики. А мужику-учителю что подарить?

— Не знаю.

— Я и не ожидала, что ты мне подскажешь, — огрызаюсь.

Беру кофе и ухожу в свою комнату. Опять открываю Курятник. Там тоже жаркие споры, что дарить от класса.

«А на День учителя что мы будем ему дарить?», спрашивает одна мамаша.

Закатив глаза, закрываю Курятник. Они уже про День учителя думают.

Так-с... А что дарят нашему главному редактору? Ему много подарков приходит на Новый год, 23 февраля и день рождения. Не долго думая, звоню его секретарю.

— Алло, Света? — удивляется. — Сегодня вроде суббота.

— Привет, Арин, извини, что в выходной. У сына в школе новый классный руководитель — мужчина. Хочу сделать ему подарок на первое сентября, но впала в ступор. Не подскажешь, что нашему главному редактору обычно дарят партнеры холдинга?

— В последнее время стали присылать цветы.

— Цветы? — удивляюсь.

— Да, есть специальные мужские букеты цветов. Это входит в моду. Сейчас часто стали присылать.

— Оу, буду знать. Спасибо, Арин.

— Да не за что. Набери в интернете «букеты для мужчин». Увидишь.

Положив трубку, захожу в поисковик и печатаю «букет цветов для мужчины в Москве». Сразу появляется россыпь цветочных интернет-магазинов. Открываю каждый и смотрю. Да, действительно, есть букеты для мужчин. Вот только, как по мне, они ничем не отличаются от женских букетов. Те же самые розы и тюльпаны. Где-то есть букеты с ирисами. Все цветы на фотографиях завернуты в темную крафтовую бумагу. Пожалуй, это единственное «мужское» в них.

«Букет из 15 красных роз с рускусом для мужчины».

А ничего такой. Между алыми розами какие-то зеленые листья. Завернут в бумагу цвета хаки. Думаю, пойдет.

Кидаю букет в корзину, оплачиваю и заказываю доставку на утро первого сентября. Пойду с Лешей на линейку, познакомлюсь с новым классным и подарю ему цветы. Надеюсь, мы поладим.

Глава 5. Первое сентября

Неделя до первого сентября пролетает в суете. У Лешка много чего нет, мама не все купила ему к школе. Стараюсь сбегать с работы пораньше, чтобы вечера проводить с сыном в торговом центре за покупками.

В Курятнике страсти не утихают. В какой-то момент даже ловлю себя на том, что мне стало интересно читать родительский чат. Новый классный руководитель — мужчина — взбудоражил всех мамаш. У наших детей еще не было учителей-мужчин. Глава родительского комитета, Оля, где-то разузнала, что новому классному тридцать один год, и он не женат. Всё. Яжемамки потеряли покой. Кажется, вместо подготовки детей к школе они ломанулись покупать себе новые наряды к первому сентября.

У нас в классе есть несколько разведенных мам. В отличие от меня они в активном поиске. Еще часть мам с хроническим недотрахом, хоть и замужем. Так что я уже заранее не завидую новому классному. Его ждет атака со всех сторон. А если еще и симпатичным окажется, то вообще яжемамки проходу не дадут. Будут бегать к нему по каждому пустяку.

К нам домой выходит гувернантка. Вроде нормально Леша с ней поладил. За неделю до школы она прошла с ним по основной школьной программе, освежила в памяти материал. Понятное дело, за лето Лешка все забыл. С английским серьезные проблемы, сказала мне гувернантка. Это я и так знаю. Леше нужен хороший репетитор, но проблема в том, что сын наотрез отказывается учить английский. Говорит, не нравится, не интересно, не буду. Ни уговорить, ни заставить у меня не получается. Надеюсь, гувернантка как-то повлияет на него в этом плане. Ну или хотя бы будет делать с ним уроки по английскому, чтобы из двойки с плюсом сын перешёл на тройку с минусом.

Утром первого сентября я собираюсь с Лешкой на линейку. Одеться приходится наряднее, чем я планировала. После линейки мне сразу надо мчаться на работу, в двенадцать к нам в холдинг приезжает министр образования. Он будет давать интервью в телестудии. Я буду его встречать от лица холдинга, провожать в студию. После интервью мы вместе пойдём к гендиректору обсуждать, как и чем наши медиаактивы могут быть полезны министерству образования.

Надеваю свое лучшее дизайнерское платье-футляр. Оно чуть-чуть не доходит до колен, кремового цвета. На груди V-образный вырез. Сегодня будет очень жарко, поэтому пиджак с собой не беру. Длинные светлые волосы собираю в причёску, делаю неброский макияж. Лодочки на шпильках и клатч дополняют мой образ. Курьер от цветочного интернет-магазина привозит букет для классного руководителя вовремя, как раз когда мы с Лешей уже стоим на пороге.

— Мам, а для кого цветы? — спрашивает сын.

— Для классного руководителя.

— Так он же мужик.

— Это мужской букет.

— В смысле мужской? Тут же розы.

— Ты ничего не понимаешь, сейчас в моде мужские букеты. Моему начальнику постоянно присылают. Пойдем уже, — тороплю Лешку.

— Мам, ну странно дарить мужику розы. Да и вообще любые цветы, — не унимается сын по дороге в школу.

— Между прочим, от класса ему тоже хотели дарить букет.

Два дня назад в Курятнике разразилась нешуточная бойня. Жарко спорили до глубокой ночи, дарить ли новому классному цветы. Яжемамки разбились на два лагеря: те, кто за, и те, кто против. После долгой ругани устроили голосование. 51% проголосовал против букета, а

49% за. Большинство голосов было решено не дарить новому классному цветы. В итоге он вообще остался без подарка, потому что так и не придумали, что вручить мужику. Какая-то совсем ненормальная мамаша предложила подарить набор для бритья: пену и лосьон. Хорошо, что другим хватило мозгов отказаться от такой затеи.

На подходе к школе меня цепляет за руку глава родительского комитета Оля. Я недолюбливаю ее. Она почему-то думает, что мы подруги. Типа обе в разводе, обе воспитываем детей в одиночку, а значит, у нас много общего.

— Я уже видела нашего нового классного, — сходу начинает. — Вчера ходила в школу, познакомилась с ним. Света, он просто отпад! А что это у тебя? — замечает букет в моих руках. — Это для кого? — хмурится.

— Для него. Я решила подарить от себя мужской букет.

Оля цепенеет.

— Мы же решили ничего не дарить от класса, — цедит.

Она была одной из сторонниц цветов и сильно расстроилась, когда большинство проголосовало против.

— А я не от класса. Я от себя.

Оля недовольно поджимает губы. Выпускает мою руку, отходит на шаг в сторону к своей дочке. Кладёт ладонь ей на спину и подталкивает идти быстрее. Обгоняют нас и заходят в школу.

Ну все. Вселенская обида.

Двор школы усыпан празднично одетыми учениками и родителями. Дети обнимаются друг с другом после долгих каникул, звонко смеются. Мы отыскиваем глазами табличку «6 Б» и направляемся к ней. Лешка отрывается от меня, ускоряет шаг, а потом и вовсе переходит на бег. Мне приятно видеть, как радушно встречают его одноклассники. Я переживала, что Леша не найдёт в новой школе друзей. Но видя как он обнимается и смеется с ребятами, у меня с души камень падает.

У таблички «6 Б» спиной кто мне стоит мужчина в костюме. Догадываюсь, что это и есть новый классный руководитель. Его облепили мамы, что-то наперебой ему рассказывают. А Оля как глава родительского комитета и женщина в активном поиске аж чуть ли не вплотную к нему.

Я останавливаюсь за спиной учителя. Почему-то затылок классного руководителя кажется мне смутно знакомым, как будто я уже где-то его видела. Прочистив горло, пользуюсь секундой, когда Оля замолчала, и слегка касаюсь плеча классного.

— Да? — он тут же поворачивается ко мне.

Мгновение мы смотрим друг на друга. А потом я резко отшатываюсь назад. Сердце сначала подсказывает к горлу, а следом грохается в пятки. Букет в руках начинает дрожать. А учитель...

А учитель сначала разглядывает меня недоуменно, округлив глаза, а затем его красивые сексуальные губы смыкаются в тонкую нитку, а сам он медленно багровеет.

— Здравствуйте, — говорю с дрожью. — Вы новый классный руководитель 6 «Б»?

Господи, да как такое вообще возможно??? Это чей-то прикол???

— Да, — цедит. — А вы кто?

Издаю нервный смешок.

— Я мама ученика, Алексея Самсонова.

— Ах мама ученика... — скрещивает руки на груди.

Аполлон простреливает меня гневным взглядом. У меня от него внутри все дрожать начинает. Я стою ни жива ни мертва. В голове словно сирена орет мысль, что надо срочно менять Лешке школу.

Нет, такое могло произойти только со мной. Только я могла всю ночь бурно и страстно заниматься сексом с первым встречным, а потом узнать, что он новый классный руководитель моего сына.

Мамочки, я хочу провалиться сквозь землю. Господи, какой ужас, какой позор! Меня сейчас хватит инфаркт.

Ты должна держать лицо, Света.

Делаю глубокий вдох.

— Это вам, — сую ему в руки букет. — Очень приятно познакомиться.

Аполлон в шоке глядит на цветы, а затем поднимает на меня тяжёлый взгляд, не предвещающий мне ничего хорошего.

Глава 6. Мальчик по вызову

Костя

И вот она стоит передо мной. Бледная как простыня. Смущенно переминается с ноги на ногу. Прячет взгляд. Кусает накрашенную красной помадой губу.

Мама моего ученика.

Она еще плюсом ко всему замужем. Прекрасно. Хотя обручального кольца на безымянном пальце нет. Может, разведена?

Да какая мне разница.

— Это вам, — сует мне в руки цветы. — Очень приятно познакомиться.

Растерянно гляжу на букет. Сначала не могу сообразить, зачем он и для чего. А потом до меня доходит: она только что подарила мне розы. После ста долларов за оргазмы.

Снова поднимаю на нее глаза. Наверное, на моем лице изображена вся ярость, которую я в данный момент испытываю, потому что Света (если это настоящее имя) испуганно отходит от меня на шаг.

— Ну, в общем, эээ... С Днём знаний!

Она разворачивается на шпильках и собирается удрать прочь, но не тут-то было. Теперь она так просто от меня не смоеется.

— Куда же вы, мама? — хватаю ее за руку и поворачиваю к себе. — Мы сейчас после линейки пойдём в класс, знакомиться будем. Нас ждет очень интересный и насыщенный год. Надо узнать друг друга получше.

Света нервно смеется.

— Да вы знаете, мне на работу надо...

— Понимаю, вам надо спешить зарабатывать доллары. И все же я настаиваю, чтобы вы остались до конца линейки, а потом прошли вместе с учениками и другими мамами на более близкое знакомство со мной.

При слове «доллары» Света вмиг становится из бледной как простыня — пунцовой как помидор. А я, вспомнив те сто долларов и записку «За оргазмы», аж задыхаться начинаю. Она оставила мне деньги за ночь.

Нет, не так.

ОНА. ОСТАВИЛА. МНЕ. ДЕНЬГИ. ЗА. НОЧЬ.

Сняла меня в баре, как мальчика по вызову. Проститута. Не знаю, как правильно назвать мужчину низкой социальной ответственности. Мальчик, оргазмы мне принеси... А сейчас вдобавок ко всему еще и розы мне подарила. Чтобы окончательно меня добить.

Галстук сдавливает горло, поэтому я отпускаю Свету и быстрым движением ослабляю его. Она снова пользуется случаем, чтобы сбежать. Делает новый поворот на шпильках, но я опять успеваю схватить ее. Спускаю свою руку вниз по ее и сжимаю ладонь.

Я чувствую удар под дых. Внутренности скручиваются. Наша ночь за секунду пролетает перед глазами. А потом утро. Прекрасное доброе утро, пока я не вышел из ванной и не обнаружил пустую комнату со ста долларами и запиской.

— Константин Сергеевич! — визгливый женский голос заставляет меня отвлечься от Светы.

Это глава родительского комитета. Не запомнил ее имени. Вынужденно поворачиваюсь к ней и группе других мам.

— Да?

— Я не договорила про школьный театр...

Боже, что? Какой еще на хрен школьный театр? На мое счастье главу родительского комитета затыкает громкий голос директора школы.

— Дорогие ученики, учителя, родители... — пожилая женщина выходит с микрофоном в центр школьного двора.

Я не слушаю ее. Снова поворачиваю голову к Свете, а ее уже и след простыл. Опять сбежала. На этот раз оставив мне букет роз.

Вообще, я привык получать от родителей цветы. Особенно в последние пару лет. Это стало модно, что ли. Появились специальные мужские букеты. Я никогда не придавал значения цветам, спокойно их принимал и передавал потом коллегам-женщинам.

Но получить цветы именно *от нее* — это как еще один плевок в меня. На тебе, мальчик, сто долларов, а потом ещё цветы. Спасибо за оргазмы. Хорошо постарался. Держи свое вознаграждение.

Я еле выдерживаю до конца линейки. Розы от Светы оттягивают руки. Они как будто тонну весят. Наконец-то линейка заканчивается, толпы школьников и учителей направляются ко входу в школу. Я медленно продвигаюсь со своим шумным шестым «Б». Особенно поглядываю на мальчиков. Света ведь сказала, у нее сын? Алексей Самсонов?

А если так подумать, то это какая-то насмешка судьбы. Сначала я встречаю сногсшибательно красивую девушку и провожу с ней потрясающую ночь. А потом эта девушка оказывается мамой моего ученика. Возможно, замужней. Но это уже не важно, потому что главное — она мама ученика.

А на мам учеников у меня строгое табу.

В классе кое-как отвязавшись от главы родительского комитета и других мам, я начинаю знакомство с ребятами. Медленно иду по списку в алфавитном порядке, а самому не терпится добраться до буквы «С».

— Самсонов Алексей, — громко говорю.

Никто не реагирует.

— Самсонов Алексей, — повторяю громче и обвожу глазами детей. Его нет, что ли?

— Лёх, тебя зовут, — слышится тихий голос.

— А, что? — раздается с последней парты третьего ряда.

Мальчик в белой рубашке вытаскивает из уха беспроводной наушник и вопросительно смотрит на меня, жуя жвачку. В классе воцаряется гробовая тишина. Ее рассекает музыка, доносящаяся из наушника.

— Ты Самсонов Алексей?

— Да. А что?

Мальчик продолжает держать в руках наушник, из которого орет рок. Второй у него по-прежнему в ухе. Все понятно.

Я таких детей повидал огромное количество. Они реально сложные. Старые училки советской закалки пытаются сломать их, лепя двойки, крича и унижая. Но добиваются обратного эффекта. Это превращается во взаимный буллинг: училка гнобит ученика, а ученик доводит училку. Замкнутый круг.

С такими детьми нужно говорить на их языке. Иначе ни хрена не выйдет.

— Что это у тебя там играет? — спрашиваю. — Queen?

Мальчик слегка растерялся. Другие ученики переглядываются между собой.

— Да, — отвечает сын Светы.

— Песня «Spread Your Wings»? Из альбома «News of the World»?

— Д-да, — теряется еще больше.

Морщусь.

— Это далеко не самый успешный альбом Queen, хотя в него вошли три их суперхита. Все-таки их самый первый альбом с шестиминутной «Богемской рапсодией», как по мне, был самым лучшим, и они так и не смогли его превзойти.

Алексей растерян. Он не ожидал от меня разговора о музыке. Думал, я буду как классическая училка орать на него.

— А ты что думаешь? — спрашиваю его. — Какой альбом Queen тебе больше всего нравится?

— Кхм, — ставит музыку в телефоне на паузу. — А мне больше нравится их позднее творчество. Этот альбом нравится тем, что в нем Queen отошли от сложного арт-рока в сторону упрощения звучания. Но больше всего я люблю альбом «The Game».

— Он не плох. В нем Queen попробовали несвойственный им стиль диско-франк. Но лично для меня он слишком попсовый, что не вяжется с образом Queen в целом.

— В попсовости у них обвиняли альбом «Jazz».

— Да, было такое. Ну что ж, Алексей Самсонов получает пятерку за хороший вкус в музыке, — по классу проходится громкий удивлённый шёпот учеников. — Ну вы же не думали, что я буду оценивать только ваши знания в математике? Человек должен быть всесторонне развит. Математика — одна из составляющих вашей жизни. И далеко не самая важная. Я вам по секрету скажу: кроме таблицы умножения вам в жизни больше ничего из математики не пригодится. Поехали дальше: Селезнёва Вера.

Девочка с первой парты поднимает руку.

Я иду далее по списку, а сам краем глаза наблюдаю за сыном Светы. Удивленный, он убирает наушники с телефоном в портфель и даже выплевывает жвачку, а остаток времени внимательно меня слушает.

Глава 7. К директору

Света

У меня весь день наперекосяк. Убегая из школы, пока Аполлона отвлекла Оля из родительского комитета, я подвернула на шпильках ногу. Адская боль прострелила лодыжку. У меня аж слезы из глаз брызнули. Я не могла идти. Пока доехала на такси до работы, нога распухла так, что больше не помещалась в туфлю. Я не смогла встретить министра образования и сопроводить его на интервью. В обеденный перерыв пришлось ехать к врачу, так как боль в ноге не проходила. Рентген показал, что перелома нет, травматолог назначил мазь, обезболивающие, а также сказал держать ногу в покое и ходить только в удобной обуви.

Я целый день не могу работать. К боли в ноге добавляется раскалывающаяся голова. Ну как я могла снова встретить Костю? Разве такое возможно? Это чей-то прикол, не иначе. И как мне быть? Я спала с классным руководителем моего сына. Какой позор, просто кошмар. Еще и деньги за ночь ему оставила.

Может, сто долларов и были лишними, я не спорю. Просто... не знаю. Мне никогда ничего не падало с неба просто так, за все приходилось платить в прямом или переносном смысле. С чего бы тогда мне должны были просто так достаться оргазмы с шикарным мужчиной? Вот я и заплатила за них в прямом смысле. А теперь еще долго буду платить в переносном.

Выпиваю таблетку аспирина. И что теперь ждет Лешку? Костя будет на нем отыгрываться за мой поступок? Мало моему сыну доставалось от предыдущей классной, теперь новый будет его гнобить. Ну если так, тогда я поменяю ребенку школу. Я не буду стелиться перед Костей, как перед предыдущей классной.

На экране телефона загорается сообщение из Курятника. У меня отключен звук в этом чате, но уведомления приходят, когда меня отмечают в сообщениях. Захожу в чат и читаю сообщение, в котором меня тэгнули:

«А это нормально, что новый классный руководитель ставит пятерку по математике ученику, который на уроке слушает музыку? Налицо абсолютное хамство и неуважение к учителю, уроку и одноклассникам, а вместо того, чтобы вынести соответствующее наказание, классный руководитель ставит пятерку. Да еще и говорит, что на уроках математики будет оценивать не только знания по предмету, но и какие-то другие вещи. Это как понимать? @Svetlana_Samsonova что скажете?»

Несколько раз перечитываю и не понимаю, о чем вообще речь и при чем тут я? Сообщение написала яжемамка главной отличницы класса. Ее дочка Алена — вундеркинд. В шесть месяцев уже сама просилась на горшок, в год заговорила, в полтора вовсю рассказывала стихи, в два научилась читать... Я утрирую, конечно, но это чтобы понять всю степень маразма, который в голове у этой мамы.

Пока я в ступоре смотрю на сообщение, яжемамка присылает новое:

«Я считаю, что новый классный руководитель абсолютно некомпетентен. Если он ставит пятёрки за то, что на его уроке сидят в наушниках и слушают музыку, то я буду жаловаться директору. Получается, дети, которые решают все примеры на контрольных, делают домашнее задание, хорошо ведут себя на уроке — они могут не получить пятерку. Потому что учитель оценивает не только знания по математике, но и что-то там еще. А оболтусы, которые по-хамски относятся к школе и одноклассникам, будут получать пятёрки. Прекрасно».

Тут до меня потихоньку начинает доходить, что это как-то связано с моим Лешкой. Пока я соображаю, что написать, высвечивается сообщение от Оли:

«Марина, ты преувеличиваешь проблему. Во-первых, сегодня не было урока математики. Это было просто знакомство с новым классным руководителем. Уроки начинаются завтра.

Во-вторых, конечно же, Константин Сергеевич будет выставять детям оценки по предмету, исходя из их знаний математики».

Я одно не могу понять, при чем тут мой Лешка?

«Оля, моя дочка сказала, что новый классный сегодня сказал, что в математике будет оценивать не только знания математики, а что-то еще. Моя дочь не может врать».

«Я не говорю, что твоя дочка врет. Возможно, она не так поняла Константина Сергеевича. Или он не так изъяснился. В любом случае, нет поводов для жалоб директору на нового классного».

Не знаю, что произошло сегодня в школе, но то, как Оля встала грудью на защиту Аполлона, — о многом говорит. Он ей понравился. Оля тоже в разводе, одна воспитывает дочь. Но она старше меня. Ей где-то лет тридцать пять или тридцать шесть. Точно не знаю, но в любом случае она старше не только меня, но и Кости. И вот на что надеется, интересно? Думает такой Аполлон клюнет на разведёнку с прицепом, да еще и лет на пять-шесть старше? До чего же бывают наивными некоторые женщины.

«И все же хотелось бы послушать Светлану @Svetlana_Samsonova. Скажите, это нормально, что Ваш ребенок слушает на уроке музыки на телефоне и получает за это пятерку? Давайте тогда все дети будут так делать и получать пятёрки?».

Ах вот оно что. Лешка сидел на уроке в наушниках. Да, он так делает, если ему скучно. Обычно в таких случаях учителя забирают у него телефон с наушниками и вызывают меня в школу. А новый классный что сделал?

Поставил Лешке за это пятерку, что ли!?!?

Да не может такого быть.

«У меня нет поводов сомневаться в компетентности нового классного руководителя. Если он поставил моему ребенку пятерку, значит, он заслужил».

Отправляю. Представляю, как яжемамка багровеет. Никто не может быть умнее и лучше ее дочки-вундеркинда.

«Ваш ребенок, Светлана, заслужил не пятерку, а отчисление из школы за все те выходки, которые он вытворяет. Ваш сын срывает уроки и не дает учиться нормальным детям. Но другого ответа я от Вас и не ожидала. Всего Вам хорошего. А я прямо сейчас позвоню директору и спрошу, почему Константин Сергеевич ставит пятёрки тем, кто слушает на уроке музыку, когда гаджеты в школе вообще запрещены!»

«Марина, подожди, не звони директору!!!!!!»

Последнее истеричное сообщение — от Оли.

Закрываю Курятник и убираю телефон в сторону. Даже не хочу читать, что там дальше. И без них голова болит. Но, видимо, Марина все-таки связалась с директором. Потому что вечером, когда я еду с работы домой, мне звонит секретарь директрисы и вызывает меня в школу.

Глава 8. В долг

Мне приходится купить костыли — настолько сильно болит нога. Невозможно на нее наступать. Поэтому вызов к директору ну совсем некстати. У меня даже появляется мысль не идти в школу. Я что, должна бегать туда по первому требованию? И что будет, если я не приду? Лешу отчислят? Сомневаюсь.

Я весь прошлый год бегала в школу и, честно, мне это надоело. Да, Леша был не прав, что слушал музыку на классном часе. Но разве это повод вызывать меня к директору? Сучка Марина. По-другому ее не назовёшь.

Утром третьего сентября, стиснув зубы, я иду с Лешей в школу. Выходим из дома пораньше, директор ждет нас перед началом уроков. Даже думать не хочу, как предстану перед Аполлоном на костылях. Это просто сюр какой-то.

В школе много ступенек. Леша помогает мне подняться сначала в холл, а потом еще по ступенькам на первом этаже. Почему-то в школе первый этаж не ровный. Пройдя по коридору мимо гардероба, нужно подняться вверх по трём ступенькам к кабинету директора.

А там в приемной, мило беседуя с секретарем, уже стоит Аполлон. Как всегда, с иголки. А я на костылях.

— Доброе утро, — смотрит на нас с Лешкой, когда заходим.

— Здравствуйте, — здоровается сын.

Я киваю секретарше, а Костю игнорирую. Он же, даже не пытаясь замаскировать смех, оглядывает мои костыли и поджатую в колене ногу. Ему смешно. Стою с гордо поднятой головой и смотрю куда угодно, но только не на него.

А так и хочется хоть одним глазком взглянуть на него, красивого. В сердце больно защемило. Ну что скрывать и обманывать саму себя, Костя мне понравился. За одну ночь он показал мне небо в алмазах. Я и не знала, что существуют такие шикарные мужчины, которые могут вознести женщину на вершину блаженства. Всегда думала, что стоны и оргазмы в порно — это симуляция на камеру.

Ну, конкретно в порнофильмах, может, и симуляция, а вот в реальной жизни такое вполне возможно.

Костя продолжает на меня смотреть, чувствую его взгляд кожей. Как будто специально делает это, чтобы меня смутить. И у него получается. Против моей воли щеки начинают алеть. От напряжения появляется боль в спине.

— Извините, а скоро директор нас примет? — не выдержав, обращаюсь к секретарю.

— Она еще не пришла.

— Ах, она еще не пришла! — повышаю голос. — И долго нам ее ждать?

В этот момент в приемную влетает директриса. В руках у нее сумка и два объемных пакета. Запыхалась, шумно дышит, как будто марафон пробежала.

— Заходите, — бросает нам.

Пересекает приемную, открывает дверь в свой кабинет и забегает. Лешка сразу проходит следом за ней, а вот мне надо доковылять на костылях. Костя идет у меня за спиной.

— Мама, вам помочь? — склоняется над моим ухом. Мне отчетливо слышится издевка в его голосе.

— Я сегодня не брала с собой доллары, — отвечаю ему с таким же ядом.

Очевидно, Костю задела деньги от меня. Иначе первого сентября не сказал бы мне с сарказмом: «Понимаю, вам надо спешить зарабатывать доллары».

— Ничего страшного, я могу помочь вам в долг.

Я еле иду, а он насмехается надо мной. Наконец-то захожу в кабинет директора. Костя закрывает за нами дверь.

— Что у вас произошло первого сентября? — сходу спрашивает директор, доставая из пакетов какие-то папки.

В общем и целом, она нормальная. В прошлом году мне часто приходилось у нее бывать, и сложилось впечатление, что директрису саму все достало: школа, дети, их родители, начальство в департаменте образования... Сегодня только третье сентября, а у нее уже такое уставшее лицо, будто она весь учебный год отпахала без праздников и выходных.

— Ничего не произошло, — говорит Костя. — Если честно, немного непонятно, для чего вы нас вызвали.

— Ну мне позвонила мама этой девочки, как ее... — зажмуривается, вспоминая. — В общем, девочки, у которой отец в департаменте образования работает. По ее словам, вы, Константин Сергеевич, поставили Алексею Самсонову пятерку за то, что он слушал на вашем уроке музыку на телефоне. Это так?

Костя расплывается в своей шикарной голливудской улыбке.

— Галина Ивановна, все было немного иначе. Первого сентября у нас был классный час, я знакомился с ребятами. С Алексеем мы поговорили о различных течениях в рок-музыке в восьмидесятых годах. Мне понравился ход мыслей ребенка, я оценил их на пятерку. Это был всего лишь классный час, мы вели свободную беседу.

Директриса хмурит брови.

— Еще мама этой девочки сказала, что вы, Константин Сергеевич, собираетесь ставить детям оценки по математике, исходя не из их знаний математики, а из чего-то другого. Вот это я не очень поняла. Что именно вы собираетесь оценивать, если не знания по математике?

— На уроках математики я собираюсь оценивать исключительно знания по математике. Возможно, мама девочки имела в виду мои слова о том, что человек должен быть всесторонне развит и помимо математики знать что-то еще. Я сказал это ребятам на классном часе.

Директриса плюхается в кресло.

— Зачем мне звонила эта мама и выносила мозг? Я, конечно, понимаю, что у нее муж в департаменте...

— Понятия не имею, Галина Ивановна.

— Ясно, — машет рукой и переводит взгляд на Лешку. — Так, а ты ведь помнишь, что в школе гаджеты запрещены? — обращается к нему строго.

— Помню.

— Никакой музыки на уроках, — грозит Лешке пальцем.

— Хорошо.

— Ладно, идите, скоро уроки начнутся.

Костя открывает дверь и выпускает нас. Каждый шаг на этих дурацких костылях делает мое положение еще унижительнее. Я начинаю злиться. Ну и зачем я была тут нужна? Директриса не могла задать вопросы Косте без меня и Лешки? А Марина сучка. Муж в департаменте у нее, видите ли.

— Ладно, мам, я пошел, — говорит Лешка, когда мы выходим из приемной директора.

— Давай, веди себя хорошо.

Лешка перепрыгивает ступеньки вниз и сворачивает к лестнице на второй этаж. Прекрасно. А у этих трех замечательный ступенек даже перил нет.

— Помочь? — снова раздается над ухом голос змея-искусителя.

Губы в ехидной ухмылочке, правая бровь выгнута вверх.

— В долг?

— В долг.

Пока я соображаю, что бы такого ядовитого ответить, Аполлон подхватывает меня одной рукой за талию и спускает вниз со ступенек. Снова оказавшись ногами на полу, пытаюсь

понять, как это сейчас произошло. Вот мы стояли разговаривали, а потом он одной рукой взял меня за талию и спустил вниз, как пушинку.

Под платьем в месте прикосновения кожа горит. Костя обнял меня. Как обнимал за талию там в отеле. Сердце быстро забарабанило. Оглядываюсь по сторонам, не заметил ли кто. Вокруг снуют школьники, до нас им нет никакого дела. Смотрю на Костю. В груди больно ноет. Ну как можно быть таким шикарным?

— Дальше помогать не надо, — выдавливаю. — А то не расплачусь.

— Возьмёшь кредит.

Костя берет меня под руку и помогает идти к выходу. Касается меня кожа к коже. У него тёплая мягкая ладонь. В голове так некстати оживают картины, как Аполлон гладил все мое тело, а я млела.

Ускоряю шаг, как могу. Побыстрее бы выйти из холла к последним ступенькам.

— Куда ты так торопишься? Сейчас вторую ногу сломаешь.

— У меня не перелом, а легкий вывих. — огрызаюсь. — Через пару недель пройдет.

Костя смотрит на мою больную ногу в специальной повязке из эластичного бинта.

— И где же ты получила вывих? Позавчера ты была на шпильках и без костылей. — Резко замолкает, а потом выдаёт: — Подожди, ты вывихнула ногу, когда убежала от меня на линейке!?

Молчу, гордо смотря перед собой. А этот мерзавец начинает хохотать. Ему смешно! Толкаю его локтем в бок. Мы доходим до двери. Костя галантно распахивает ее, и в этот момент меня чуть не сносит с ног бегущий мальчик. Аполлон успевает перехватить меня за талию прежде, чем я упаду вместе с костылями. Я оказываюсь прижатой вплотную к его телу. Поднимаю глаза на лицо.

— Что бы ты без меня делала, правда?

Не нахожусь, что ответить. Костя берет меня на руки и выносит из холла школы в предбанник со ступеньками. Нам навстречу поднимаются ученики, а он осторожно спускает меня вниз. Мой пульс так громко шаршит в ушах, что, кажется, его слышат все вокруг. Наконец-то последняя ступенька и дверь на улицу.

— Опусти меня немедленно, — требую.

Костя ставит меня на землю.

— Послушай, — бойко начинаю, — я не знаю, как так вышло, что ты новый классный руководитель моего сына...

— Я тоже не знаю, — перебивает.

— Так вот. Мы же взрослые адекватные люди...

— Насчёт адекватности одного из нас я бы поспорил. Извини, что перебил, продолжай. Это он про меня!? Гад.

— Это ты, наверное, про себя, — шиплю.

— Конечно, про себя. Не про тебя же.

Глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю.

— Я хотела сказать: давай сделаем вид, что ничего не было.

Новый едкий ответ Кости тонет в громком звонке на первый урок. Я не расслышала, что он сказал. Аполлон открывает рот, видимо, чтобы повторить, как раздается визг сбоку:

— Константин Сергеевич! — к нам мчится Оля из родительского комитета. — Извините, Константин Сергеевич, — подлетает. — Ой, только что прозвенел звонок, да? — поворачивается к дочке. — Беги на урок, — снова голову на Костю. — Константин Сергеевич, я хотела обсудить с вами экскурсию для детей.

— Ольга, это можно сделать позднее? Мне пора идти, дети ждут.

Она не обращает внимания.

— С предыдущей классной руководительницей мы обсуждали свозить детей в Подмосковье в лес с палатками. Хотели сделать это в прошлом учебном году весной, но не получилось.

Я думаю, можно было бы поехать сейчас в сентябре, пока ещё тепло. Чей-то папа предлагал район возле их дачи, там озеро. Свет, не твой муж случайно? — вдруг обращается ко мне, а потом, спохватившись, говорит: — А нет, это был папа Веры Селезневой. Так вот там очень хороший лес...

Я несколько секунд таращусь на Олю. Она же прекрасно знает, что я в разводе. Что это был за вопрос сейчас про моего мужа? Но чем дольше я смотрю на тарахтящую Олю, тем быстрее до меня начинает доходить.

Она специально сказала так при Косте. Чтобы он думал, будто я замужем. Вот же сучка. У меня в груди такое возмущение просыпается, что хочется прямо сейчас выкатить Оле претензию. И я уже было открываю рот, но слова застревают в горле.

А впрочем, какая разница? Ну будет Костя думать, что я вдобавок ко всему еще и замужем. Ну пусть думает, что мне с этого? Его мнение обо мне и так ниже плинтуса. Оле, видимо, смертельно важно устранить всех конкуренток среди матерей-одиночек нашего класса. Про других она тоже что-нибудь сочинит. Вот только все равно ей с Аполлоном ничего не светит. Наивная. Такие мужчины, как он, не растрачивают себя на разведёнок с прицепом. А Оля еще и прилично старше Кости.

Молча разворачиваюсь на костылях и шагаю по направлению к выходу со двора школы. Затылком чувствую, как Костя провожает меня взглядом.

Глава 9. Бойня за петуха

И все-таки меня задело, что Оля выставила меня замужней перед Костей. А еще задевает, что Костя ей нравится. То, как Оля перед ним хорохорится, аж бесит. Раньше глава родительского комитета сильно не парилась, в чем приходиться в школу: джинсы, кроссовки, хвост на голове. А сегодня надела, наверное, свое лучшее платье. Накрасилась, укладку сделала. Все ради нового классного руководителя.

Почему-то мне не хочется, чтобы Костя был слишком плохого мнения обо мне. Понятно, что его мнение обо мне и так ниже плинтуса, а после слов Оли о моем якобы муже, оно теперь вообще пробило дно. Да и сам Костя как себя ощущает? Что его сняла на одну ночь замужняя женщина с ребенком?

Улучив на работе свободные пять минут, звоню Оле.

— Алло, — сразу поднимает трубку.

— Оля, привет еще раз. Можешь дать мне номер телефона нового классного руководителя?

На том конце провода на несколько секунд воцаряется тишина.

— А тебе зачем? — недовольно спрашивает после паузы.

— Просто чтобы был. Ты же знаешь, какой у меня Лешка проблемный.

— Свет, ну если каждая мама будет звонить Константину Сергеевичу по поводу своего ребенка, то он работать не сможет. Давай все вопросы через меня?

Я аж теряюсь от такой наглости. Она не хочет давать мне его номер!

— А телефон предыдущей классной ты мне без проблем дала и не парилась, что я буду ей звонить.

— Предыдущая классная не была занята так сильно, как Константин Сергеевич.

И чем же он занят в свой третий рабочий день, мне интересно? Уже возглавил школьный театр? Собрал кружок по математике?

— Ладно, я сама попрошу у него номер телефона. Пока, Оля, — и не дожидаясь ответа, кладу трубку.

Она вывела меня из себя. Злость так и кипит во мне. Хотя а что я собиралась сказать Косте? Позвонить ни с того ни с сего и заявить: «Я не замужем»? Тоже бред.

Как же сложно, когда случайный парень, с которым ты занялась сексом на одну ночь, оказывается классным руководителем твоего ребенка.

На экране мобильного высвечивается сообщение в Курятнике с пометкой @all. Оля что-то написала в чат и тэгнула всех его участников.

«Дорогие родители! По договоренности с Константином Сергеевичем сообщая вам, что все вопросы по поводу учебного процесса детей, лучше решать через меня. Звоните и пишите мне, если вам нужно что-то передать Константину Сергеевичу или урегулировать какой-то вопрос. Напрямую с ним лучше не связываться, поскольку у Константина Сергеевича очень высокая занятость».

Нет, ну вы посмотрите. Как только наглости хватает такое писать в чат. Еще и врать, что «по договоренности с Константином Сергеевичем». Я больше, чем уверена: нет там никакой договоренности.

«А если у меня к нему личный вопрос, а не по учебному процессу?», спрашивает Лена, мама Кирилла Агафонова. Она, по-моему, тоже в разводе.

«Все через меня», отвечает ей Оля.

«Оля, ты много на себя берёшь»

Уууу, началась бойня в Курятнике за петуха. Я бы даже понаблюдала за ней, если бы телефон не запел входящим вызовом. Мне звонит... бывший муж. Рука с мобильником начи-

нает дрожать. Я смотрю на надпись «Антон» на экране и чувствую, как на меня ложится тяжёлый груз.

— Аллю, — поднимаю трубку.

Я всегда отвечаю на его звонки. Не знаю, для чего. Заблокировать бы его номер давно, но рука не поворачивается.

— Привет. Как дела?

По голову вроде трезвый. Бросаю взгляд на часы на стене: два часа дня. Похвально для Антона.

— Привет. Нормально.

— Как Лешка?

— Позвони ему и узнаешь.

— Позвоню. Я сначала у тебя хотел спросить, как он? Все нормально?

— Да, все нормально, пошел в шестой класс.

— Ну хорошо. Это... — запинаясь. Переходим к причине звонка, догадываюсь. — Я в Москву собираюсь, увидеться хотел с вами.

Со всей силы хватаюсь рукой за стол и вонзаю в дерево ногти.

— Что!? — я не могу поверить.

— Скоро в Москву поеду, говорю. Мне там один кент работу подогнал.

— А мы тут при чем?

По позвоночнику пробегает неприятный холодок. Я не видела Антона после того, как переехала в Москву. И встречаться с ним, естественно, желания нет.

— Хочу вас увидеть.

Боже, что?

— Меня видеть тебе не за чем, а увидеть Лешу ты мог летом в нашем городе. Он все каникулы провёл у мамы, и тебе было прекрасно об этом известно. Но за все лето ты не нашел несколько часов, чтобы встретиться с сыном.

— Я работал, уезжал... — мнётся, а мне хочется рассмеяться в трубку. Вот уж кому-кому, а мне Антон может не сочинять про работу.

— Антон, мне больше нечего тебе сказать. Я с тобой встречаться не намерена. О встрече с Лешей договаривайся сам. Если сын еще хочет тебя видеть, то я не против. Но я сильно сомневаюсь, что ты все еще нужен Леше. Пока, Антон. Мне пора работать.

Кладу трубку, пока не поругалась с ним. Настроение вконец испорчено. Надеюсь, Антон несерьезно говорил про приезд в Москву. Сомневаюсь, что какой-то «кент» нашел ему тут работу. А даже если и нашел, Антон все равно работать не будет. Где Антон, а где работа. Аж смешно.

Снова открываю Курятник. Много сообщений настрочили, пока я несколько минут разговаривала с Антоном. Ну что ж, Оля проиграла в бойне за петуха. Она была послана всеми мамами далеко и надолго. Больше всех кричали те, что в разводе. А одна из родительниц взяла и кинула в чат номер телефона Кости.

Долго смотрю на цифры, не зная, что делать. А потом сохраняю себе номер и подписываю: «Константин Сергеевич классрук».

Глава 10. Молодой учитель

Костя

Замужем, значит.

Так я и думал.

Поздравляю, Костян, тебя сняла на одну ночь замужняя. Такого с тобой еще не было. Ну ничего, все когда-то случается впервые.

Ладно, по фиг. Все равно она — мама моего ученика. А на мам учеников у меня аллергия. Нужно помнить об этом при каждой встрече со Светой.

Захожу в учительскую за журналом. Новая школа такая же, как предыдущие. Можно было не менять работу. Но я переехал в другую квартиру, и мне не захотелось ездить на работу далеко. Какая разница? Все равно все школы одинаковые и порядки в них одинаковые.

— Константин Сергеевич, — учительница пенсионного возраста внимательно смотрит на меня из-под опущенных очков. Тонкие губы накрашены красной помадой и недовольно сжаты в нитку. Вязаная блузка открывает морщинистую шею с толстыми бусами. На ногтях красный лак, а волосы коротко подстрижены и покрашены в светлый цвет. Классическая училка со старыми замашками и любимой фразой: «А вот в наше время...». Такие меня не любят, — говорят, вы Самсонову из шестого «Б» пятерку поставили за то, что он слушал на вашем уроке музыку. Прелестно, — хмыкает. — Я с этим негодяем боролась весь прошлый год, чтобы он на моем уроке нормально себя вёл. А вы поощряете его негодяйство.

— И как борьба с негодяем? Помогла? Он стал нормально себя вести на ваших уроках?

— Нет! Этот мелкий хулиган, которому место в детской комнате милиции, а не в нашей школе, срывал мне уроки.

— Значит, плохо боролись, Людмила Николаевна.

Училка аж опешила от моей наглости. Кажется, она и меня за ученика принимает, раз я младше нее на тридцать лет.

— Константин Сергеевич, я понимаю, вы молодой учитель, который еще только набирается опыта. Но послушайте мой совет. Я сорок лет работаю учителем в школе, и я знаю...

Даже не слушаю ее. Вот за что я презираю своего отца, так это за то, что за пятнадцать лет на посту министра образования он даже не попытался искоренить эту гнилую систему в школах. Училки типа Людмилы Николаевны застряли где-то в восьмидесятых годах и упорно пытаются делать так, как было раньше. И им по фиг, что прошло сорок лет, и мир изменился, а дети вместе с ним.

Ну не будет сейчас ребенок зубрить наизусть тонну материала, когда у него есть Гугл, и всю нужную информацию обо всем на свете он может получить в один клик. А даже если заставить ребенка выучить что-то наизусть, то он забудет это сразу после контрольной. Выйдет за дверь и сотрёт из памяти.

Поэтому единственный способ хоть что-то вложить в голову ребенка — это интересно рассказывать на уроке, чтобы ему хотелось слушать и запоминать. Человек гораздо дольше помнит то, что вызвало у него искренний интерес, чем то, что его силой заставили выучить наизусть. Более того — зубрежка из-под палки формирует у ребенка ненависть и отвращение к предмету.

— ... в наше время дети не были такими развязными, как сейчас, — продолжает монолог. — В наше время не было телефонов, интернета. Дети учили все сами.

— Как думаете, кто-нибудь из ваших первых учеников, которые зубрили материал наизусть, до сих пор помнит его? Спустя сорок лет что-то осталось в их памяти?

Людмила Николаевна задумчиво замолкла.

— А вот если бы не зубрили, а с интересом слушали, то, может, и запомнили бы что-нибудь даже спустя сорок лет. Как думаете, Людмила Николаевна, почему стали так популярны различные лекции на ютубе? По истории, географии, экономике. Потому что на ютубе их рассказывают интересно, их приятно слушать, мозг запоминает услышанное. А если вместо интересной лекции по истории дать человеку вызубрить наизусть сто билетов, он, может, и выучит к экзамену, но сразу после него все забудет.

Громкий звонок оглушает нас.

— Мне пора на урок, — одаривая училку улыбкой и выхожу из учительской.

Все, я нажил себе первого врага. Училки не терпят, когда молодые учителя приходят со своим «новомодным подходом» (так они выражаются). Училки считают, что такие, как я, несут вред системе образования.

— Константин Сергеевич, — по дороге на урок ко мне приклеивается старшеклассница. От них у меня глаз дергается не меньше, чем от мам учеников. — Константин Сергеевич, скажите, а с вами можно позаниматься алгеброй дополнительно?

И чуть оттягивает кофточку вниз, чтобы мне получше было видно декольте.

— Нет, я не занимаюсь репетиторством, — отрезаю.

— Как? — округляет аккуратно накрашенные глаза. — Совсем?

— Совсем.

— Жаль...

— Катя, идите на урок.

Вот на что надеются старшеклассницы, я вообще не понимаю. Я похож на дурака, который будет рисковать своей прекрасной жизнью и свободой? А все равно они упорно приходят на мои уроки в коротких юбках и на высоких каблуках, спрашивают про внеклассные занятия по алгебре, просят ко мне в друзья во всех соцсетях, ставят лайки, что-то пишут...

Я веду урок алгебры девятому классу, объясняю новую тему, миксуя ее с какими-то интересными рассказами, чтобы дети не утонули в сухих цифрах. Вроде все внимательно слушают, только одна девочка зевает каждые пять минут, а потом вовсе достаёт из сумки книгу и, спрятав ее за учебником алгебры, начинает читать. Надо будет потом отдельно пообщаться с этой девочкой, попытаться понять, в чем дело. Возможно, она уже выбрала, куда будет поступать, и ей не нужна алгебра для вуза. Таким детям я ставлю четверки и ничего с них не требую. Зачем? Человек уже определился с профессией, готовится к экзаменам по необходимым предметам. Наоборот, это похвально.

Дверь кабинета резко распахивается, и на пороге возникает завуч. Красная как рак, из ноздрей пар валит.

— Константин Сергеевич, Самсонов из вашего шестого «Б» разбил окно в спортзале на физкультуре. Надо связаться с его родителями.

Глава 11. Слабак

Костя

Я отказываюсь бросать урок и бежать в спортзал, чтобы посмотреть, что там произошло. Хотя завуч именно этого и хочет. Самсонов хоть и мой подопечный, но окно разбилось на уроке физкультуры, и ответственность за это несёт физрук, а не я. А у меня ответственность за детей, с которыми у меня урок в данный момент. Если я выйду за дверь, и на моем уроке что-то случится (ну мало), то отвечать буду я.

Но как только звенит звонок, я прощаюсь с детьми и тороплюсь в спортзал, чтобы застать там свой шестой «Б» и в частности Самсонова. Разбить окно в спортзале проблематично, но возможно. Такое случалось в одной из моих предыдущих школ, несмотря на то, что маленькое окошко находилось высоко под потолком.

Ученики толпятся возле раздевалок у входа в спортзал. Громко переговариваются, но, увидев меня, замолкают. Сходу Самсонова среди них не вижу. Протиснувшись мимо детей, захожу в спортзал. Там злая директор, физрук и завхоз. Завуча нет.

Оглядываю место «преступления». Окна в спортзале большие, что непривычно для меня. В моих предыдущих школах они были под потолком, поскольку спортзалы находились на минус первых этажах. В этой школе спортзал не в подвальном этаже, а на первом, и окна такого же размера, как в классах, но закрыты шведскими стенками. В одной из них я замечаю поломанную перекладину, а за ней дыру в окне.

— Я говорил детям не трогать мячи, — физрук аж плюётся слюной. — Я дал им задание бегать, но Самсонов все равно взял баскетбольный мяч и стал забрасывать его в корзину. К нему подключились другие мальчики, они начали играть в баскетбол, в итоге разбили окно.

— Это ж с какой силой надо было ударить, чтобы сначала сломать деревянную перекладину в шведской стенке, а потом разбить окно, — вступаю в разговор. — Вы уверены, что шестикласснику хватило сил сломать шведскую стенку?

Физрук резко осекается, глаза начинают нервно бегать.

— Или шведская стенка уже была поломана? — выгибаю бровь.

— Я тоже так и не поняла насчёт шведской стенки, — рычит Галина Ивановна. — Кто ее сломал? Самсонов одним ударом мяча пробил шведскую стенку и окно? Фёдор Александрович, — обращается к завхозу. — Вы проверяли спортзал перед началом учебного года? Шведская стенка, закрывающая окно, была в порядке?

— Галина Ивановна, конечно, я проверял спортзал. Все было в порядке.

— Точно? — напирает на него. — Вы подходили к окнам, проверяли шведские стенки на предмет повреждений, трогали их руками? На деревянных перекладинах не было никаких трещин?

Завхоз теряется. И директору, и мне очевидно, что ничего он не проверял. Максимум зашел в спортзал и оглядел его зрительно.

— Да она с прошлого года поломана, — звучит сзади тоненький детский голосок.

Я, директор, физрук и завхоз оборачиваемся на него. В спортзал вошла девочка из моего шестого «Б», Юлия Анохина. Смущается, лицо чуть покраснело.

— С прошлого года поломана? — обращается к ней директор.

— Да, ее толстый мальчик сломал. Полез по ней вверх, и одна деревянная палка под ним треснула.

— Что еще за толстый мальчик?

— Он старшеклассник был.

— А, этот с ожирением четвёртой степени? — говорит физрук. — Как его? Забыл фамилию. Да, был у нас в одиннадцатом классе мальчик с ожирением, помните Галина Ивановна?

— А ты откуда знаешь, что шведскую стенку сломал тот мальчик? — спрашивает Юлю директор. — Он же не с вами учился.

— У нас тогда физкультура вместе была.

— Да, — подтверждает физрук. — В прошлом году так неудобно было составлено расписание, что физра была вместе у пятого класса и одиннадцатого. Но у одиннадцатого физкультуру вела Ольга Николаевна.

— Так, — директор упирает руки в бока и смотрит на физрука с завхозом. — Оказывается, шведская стенка поломана еще с прошлого года. А почему вы двое об этом не знали?

— Так это... Не мой же ученик сломал. У одиннадцатого в прошлом году Ольга Николаевна вела физкультуру, — выкручивается физрук.

— А вы состояние спортзала вообще не проверяете!? А если бы кто-нибудь из детей полез на шведскую стенку, наступил на поломанную перекладину и упал!?

Физрук и завхоз нервно переминаются с ноги на ногу.

— Если вдруг вы не знали, то в уголовном кодексе есть статья «Халатность»!!!! — кричит директор.

— А где, собственно, Самсонов? — быстро перевожу тему. — И точно ли он разбил окно, если в баскетбол играл не только он?

— Самсонов сразу взял на себя вину, — отвечает физрук. — Сам сказал, что это он разбил окно. Вообще, этот Самсонов тот еще негодяй. Он вообще никогда не слушает, что ему говорят. Я русским языком сказал, мячи не трогать! А он будто специально полез к мячам.

— Родителей его вызвали в школу? — спрашивает у меня завхоз. — Надо как-то решать вопрос с разбитым окном.

— Хотите разбитое окно на родителей повесить? — выгибаю бровь.

Естественно, будут требовать ремонт окна с родителей. Галина Ивановна, которая до этого была воинственно настроена по отношению к завхозу, тоже начинает переминаясь с ноги на ногу.

— Константин Сергеевич, — зовет меня. — Давайте отойдём.

Берет меня под руку и выводит из спортзала. Мы медленно направляемся по коридору школы в сторону ее кабинета.

— Константин Сергеевич, — начинает заговорщицким шепотом. — Надо как-то договориться с матерью Самсонова. Шведскую стенку трудовик отремонтирует, я скажу ему, чтобы новую деревянную перекладину сделал. А вот окно... Нам, школе, чтобы окно отремонтировать, надо госзакупку проводить. Сами понимаете, сложно это. Если б в конце учебного года окно разбили, то еще ладно. Провели бы как ремонт к началу нового. А у нас год только начался. Ну, вы сами понимаете, — тормозит у входа в свою приемную. — Попробуйте с матерью Самсонова договориться. Она вроде адекватная у него. В прошлом году она много чего школе покупала. Может, нам, школе, и хорошо, что сын у нее такой хулиган. Зато его мать для школы много делает. А у кого дети примерные отличники, с тех даже на нужды класса деньги не выбьешь. Ну вы сами все это знаете.

Вот вообще ничего удивительного.

— А где Самсонов?

— Его завуч к себе повела на воспитательную беседу. Позвоните матери Самсонова. Есть ее телефон?

— Нет.

— Возьмите у моего секретаря.

Директор удаляется в свой кабинет, а я так и остаюсь стоять у входа в ее приемную. В памяти всплывает, как Света сбежала из отеля, не оставив мне свой номер. Поэтому брать сейчас ее телефон у секретаря и звонить... Смешанные чувства испытываю. К тому же мне совершенно не хочется вешать на нее ремонт окна. Еще одна претензия, которая у меня есть

к моему отцу, — это бесконечные поборы с родителей в школах. Он не то что не пытался это победить, он, наоборот, был согласен с тем, чтобы ремонт в школах делали родители, а не государство.

Нет, не буду звонить Свете. Для начала надо с ее сыном поговорить. Может, и не он вовсе окно разбил, хоть и взял вину на себя. Разворачиваюсь, делаю пару шагов, но торможу. А соблазн услышать Светин голос велик. Зачем? Ну переспали один раз. Теперь она — мать моего ученика. Еще и замужем. Наоборот, чем меньше контактов с ней будет, тем лучше.

Я слабак.

Захожу в приемную.

— Надежда, — обращаюсь к секретарю. — А дайте мне, пожалуйста, номер телефона матери Алексея Самсонова из шестого «Б».

Глава 12. Невинный

Костя

Прежде, чем звонить Свете, решаю поговорить с ее сыном. Вызываю Алексея на длинной перемене и закрываю на ключ дверь в кабинет, чтобы не ломились другие ученики. Подождут в коридоре. Самсонов садится на первую парту перед моим столом. Весь его вид говорит: «Ну что еще от меня надо?».

— Вы по поводу окна в спортзале? — первым начинает разговор. — Да, я его разбил. Извиняюсь, я был не прав.

Ни капли чувства вины Леша не испытывает. Извинения и признание неправоты — лишь бы побыстрее отвязаться. Рассматриваю внимательно мальчика. Он не похож на Свету внешне. Она светловолосая, светлоглазая. А сын у нее кареглазый шатен, и кожа смуглая.

«Наверное, на отца похож», думаю и сразу чувствую укол в сердце.

— Ты не должен извиняться. Это ведь не ты окно разбил.

Иду «ва-банк». Я хорошо знаю детей. Когда они совершают проступок, первая реакция — страх. У Самсонова его и близко нет. Возможно, потому что он в принципе пофигист, но даже у пофигистов нервно бегают глаза, когда они серьезно косячат.

— Я, — парирует с вызовом. — Хотел забросить мяч в корзину, но промазал, попал в шведскую стенку, сломал в ней палку и разбил окно.

— Как четко ты проговорил всю последовательность своих действий. Сразу видно, репетировал, — откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди. — Кого прикрываешь? Лучшего друга? Понравившуюся девочку?

Леша растерянно осекается. Теперь мне точно ясно, что берет на себя чужую вину.

— И не жалко тебе родителей? — продолжаю. — Их же вызовут к директору, будут отчитывать, заставят ремонтировать окно. А от них в свою очередь тебе влетит. Накажут ведь. Заберут у тебя компьютер, телефон, приставку, посадят под домашний арест. Оно тебе надо?

Самсонов безразлично пожимает плечами.

— Я не боюсь наказаний.

Выгибаю бровь.

— Вот как? Привык уже к ним?

— Нет, просто они не страшные. Ну заберёт мама у меня компьютер. Все равно же потом отдаст.

Мне становится еще яснее: Самсонов раскусил своих родителей и знает, что ничего смертельного они ему не сделают. Из дома не выгонят, кормить не перестанут. Покричат и успокоятся. На самом деле очень опасно, когда ребенок перестает бояться родительского наказания. Такие дети становятся неуправляемыми, на них невозможно повлиять.

— И все же какой у тебя мотив прикрывать настоящего виновного?

— Нет мотива. Я и есть виновный. Ослушался учителя, взял мяч, разбил окно. Очень сожалею. Звоните моей маме, жалуйтесь, вызывайте ее в школу.

Он не боится свою мать от слова совсем. Мне становится жалко Свету. Должно быть, ей не просто с ребенком.

— А если твоему папе позвоню?

Ничего не могу с собой поделать, мне до ужаса любопытно узнать подробности семейной жизни Светы. Ну не будет просто так замужняя девушка спать с первым встречным. Там определенно какой-то разлад с мужем. Может, крупная ссора или еще что.

При упоминании об отце Самсонов резко меняется. Из пофигистического выражение его лица становится... печальным? Мне не показалось? В темных глазах проскочила искорка боли.

— Звонком моему папе вы ничего не добьётесь. Он далеко и в школу не придет.

Опа. А это уже интересно.

— Почему твой папа далеко?

Использую свое служебное положение в личных целях, ничего не могу с собой поделать.

— Он живет в другом городе. Они с мамой развелись.

Это лучшее из всего, что Светин сын мог сказать мне. Значит, она все-таки в разводе. Мне едва удаётся сдержать улыбку.

Звонок на урок прерывает нас. Дверь в кабинет нетерпеливо дергают ученики десятого класса, которому я буду сейчас вести урок геометрии.

— Ладно, можешь идти, — отпускаю Лешу.

Он поднимается со стула.

— В общем, я очень раскаиваюсь, виноват, больше так не буду. Можете звонить моей маме и жаловаться, — безразлично произносит и направляется к двери. Поворачивает ключ в замке и скрывается в коридоре.

Я не буду звонить Свете, хотя до смерти хочется услышать ее голос. Ее сын не виноват, зачем-то покрывает настоящего виновного. После уроков допрошу каждого, кто играл в спортзале в баскетбол, и вычислю настоящего виновного. Вряд ли Лешу заставили взять на себя вину. Он точно не аутсайдер в классе. Однозначно прикрывает друга, у которого строгие родители.

После шестого урока жду, когда придут мальчики, которых я вызвал. Они задерживаются. Телефон на столе начинает вибрировать. Бросаю взгляд на экран, и все тело парализует. Мне звонит Света.

Глава 13. Замечательный сын

Долго думал, как записать ее в телефоне. Решил формально: «Светлана Самсонова». Несколько раз моргаю, чтобы убедиться: это правда она, и мне не мерещится.

— Аллю, — поднимаю трубку.

— Здравствуйте, Константин Сергеевич. Это мама Алексея Самсонова.

Она начинает бойко и серьезно. Обратилась ко мне по имени-отчеству и на «Вы», хотя после похода к директору третьего сентября разговаривала со мной на «Ты». Ее попытки держаться в рамках приличий вызывают у меня улыбку. Поудобнее располагаюсь на стуле.

— Ну надо же, кто позвонил первым. А почему не со скрытого номера? У меня же теперь сохраняются цифры. А ты так не хотела, чтобы я знал твой телефон.

Света тяжело дышит в трубку. Через расстояние чувствую ее злость. Меня разбирает смех.

— Я насчёт разбитого окна в спортзале, — игнорирует мой сарказм. — Узнала от других родителей, что мой сын разбил окно на физкультуре. Приношу школе свои извинения и готова возместить ущерб. Сколько я должна?

— Не переживайте, Светлана, вы уже заплатили.

Она теряет на пару секунд.

— Я серьезно. Сколько стоит ремонт окна?

— Сто долларов. Вы заплатили их авансом. Наверное, предвидели, что ваш сын разобьёт окно, поэтому заранее оставили деньги его новому классному руководителю.

Я чувствую через трубку, как у Светы валит дым из ушей и ноздрей.

— Константин Сергеевич, я понимаю, что наше с вами знакомство, мягко говоря, не задалось, но давайте будет держать себя в рамках? Вы — классный руководитель, а я — мама ученика.

— Почему это наше знакомство не задалось? По-моему, у нас было отличное знакомство.

Мне нравится троллить Свету. Я до безумия рад ее слышать, а еще больше рад тому, что она не замужем. Мне нравится, как Света злится и пыхтит в трубку. Нравится, как старается соблюдать в общении со мной рамки приличия и делать вид, будто мы всего лишь школьный учитель и мама ученика.

— Так что насчёт окна? — возвращается к предмету своего звонка.

— Ничего.

— Как это ничего? Мой сын разбил окно, я хочу оплатить ремонт.

— Это был не твой сын, — отставляю сарказм в сторону и говорю серьезно.

— Как не мой? — удивляется. — В родительском чате класса написали, что мой.

— Не твой.

— А кто тогда?

— Это я пытаюсь выяснить. Но ты ничего не должна за окно. Успокойся и перестань переживать.

— Ничего не понимаю, — растерянно произносит.

— У тебя замечательный сын, Света, и он не виноват, — произношу чистую правду.

Она замолкает, удивившись комплименту в адрес своего ребенка. Догадываюсь, что ей редко приходилось слышать похвалу от учителей.

— Твой сын очень смелый, — продолжаю без тени иронии. — А еще он очень хороший друг и не бросит товарища в беде. А если надо, закроет его своей грудью. Это большая редкость. Тебе есть чем гордиться.

Дыхание Светы в трубке становится частым-частым, как будто она пытается сдержать слёзы. Неужели совсем никто никогда не хвалил ее сына?

— Это точно был не мой Леша? — спрашивает сиплю.

— Точно. Окно разбил кто-то из его друзей, а он взял вину на себя. Видимо, у друга очень строгие родители.

— У Леши в классе один лучший друг, Сережа Самохвалов. И да, у него очень строгие родители. Все ему запрещают, никуда не пускают.

Самохвалов — один из мальчиков, кто играл в баскетбол и кого я вызвал на разговор.

— Я выясню, кто разбил окно. Но после разговора с твоим сыном мне очевидно, что это был не он.

Света шмыгает носом. Мне передаётся через трубку ее боль. До ужаса хочется обнять Свету и успокоить, еще раз повторить, что у нее замечательный смелый сын. Обнять я не могу, а вот второе мне по силам.

— У тебя правда прекрасный сын. Ты должна гордиться им, Света. Я много детей повидал, мало кто готов взять на себя вину за чужой проступок.

— Хорошо. Спасибо.

Она плачет. Всхлипывает в трубку, шмыгает носом, шумно дышит.

— Не плачь, — прошу. — У тебя нет для этого поводов.

— Я не плачу, — говорит, всхлипывая. — Это я так...

Дверь в кабинет открывается, и появляется голова того самого Сережи Самохвалова.

— Можно? — робко спрашивает.

Киваю.

— Света, мне пора.

— Хорошо, спасибо.

— Совершенно не за что.

— Пока.

Ее простое «пока» вызывает у меня тёплую улыбку. Как будто мы не на долго прощаемся, и скоро увидимся.

— Пока.

Я отбиваю звонок и смотрю на Сережу Самохвалова. Он сел на первую парту перед моим столом ровно на то место, на котором сидел Светин сын. Нервно ёрзает на стуле, облизывает губы, прячет глаза.

— Ну и как же так вышло, что ты разбил окно? — спрашиваю спокойно.

От моего вопроса мальчик испуганно подпрыгивает на стуле.

— Это не я!

Мне очень жаль пацана. Зашуганный родителями. Даже странно, что такой сорванец, как Самсонов, дружит с таким робким и боязливым мальчиком, как Самохвалов.

— Я предлагаю тебе сделку.

— Какую? — недоверчиво на меня косится.

— Ты честно рассказываешь мне, как все было, а взамен я не скажу твоим родителям, что ты разбил окно в школе. Идет?

Сережа испытывающе глядит на меня, пытаюсь понять, лгу я или нет. Не доверяет и боится. Беру в руку телефон.

— Звоню твоей маме?

Сережа моментально сдаётся и рассказывает, как все было. Да в общем-то ничего смертельного не произошло. Самсонов взял из коробки баскетбольный мяч и начал забрасывать в корзину. К нему присоединились другие мальчики. Они стали играть в баскетбол. Сережа попытался забросить мяч в корзину, но промазал. Он попал в шведскую стенку, а именно в ту деревянную перекладину, которая уже была сильно треснута. Мяч доломал перекладину и дальше полетел в окно.

К концу рассказа Сережа чуть ли не дрожит от страха. Что же с ним дома делают, раз он так боится родителей? Пожалуй, мне придется познакомиться с его семьей поближе, чтобы выяснить, нет ли там перегибов в воспитании ребенка.

— Вы не расскажете моим родителям? — спрашивает с мольбой в глазах.

— Не расскажу. Но ты должен понять, что не всегда рядом с тобой будет находиться смелый приятель, которому море по колено и который без страха возьмёт твою вину на себя. Ты должен сам нести ответственность за свои проступки и иметь силы в них признаться.

Согласно кивает. Но мне-то очевидно, что он ничего из моих слов не понял и не вынес на будущее. Мысленно делаю пометку поработать с этим мальчиком плотнее. Ну и с его родителями познакомиться, как можно скорее.

— Можешь идти. Твоим родителям я не скажу, не переживай.

— Спасибо большое.

За дверью толпятся три других мальчика, которых я вызвал на разговор.

— Скажи своим друзьям, что могут идти домой.

— Хорошо.

Самохвалов закрывает за собой дверь, оставляя меня в кабинете одного. Задумчиво потерев лицо, захожу в поисковик на телефоне и ищу службу по ремонту окон.

Глава 14. Сын министра

Света

Яжемамки в Курятнике довели меня до белого каления. Вернее, до звонка Косте, что примерно одно и то же. Не давало им покоя, что мой сын разбил окно в спортзале. Как будто за их счет будет ремонтироваться. Ну, Оля за это и боялась больше всего: что придется делать окно с тех денег, что все сдают на нужды класса и школы.

Была бы я скандалисткой, задалась бы вопросом, а на что вообще идут эти деньги. И самое главное — почему родители должны сдавать на всякие нужды класса и школы, когда государство все финансирует. По крайней мере обязано это делать. Но чтобы Леша не был в классе белой вороной, я молча позволяю школе себя обирать и сдаю деньги на все, что требуют.

«Дорогие родители, я прошу вас, поговорите со своими детьми! У нас новый классный руководитель, очень хороший, о таком только мечтать. Давайте не будем его подставлять? Человек только вышел на работу, а уже разбитые окна и прочие разборки. Вы хотите, чтобы Константина Сергеевича уволили?».

Оля все не унимается. Аж читать противно. Наверное, если Костя уйдет из нашей школы в другую, то Оля следом переведёт туда свою дочку.

«Оля, успокойся, его не уволят. Я вообще думаю, что он скоро станет директором нашей школы. Вы знаете, чей он сын?».

Это пишет Алла, мама Веры Селезневой. А вот это уже интересно. Перестаю слушать, что говорит на совещании главный редактор, и жадно всматриваюсь в экран мобильного.

«Чей?».

«Бывшего министра образования. Он не так давно ушел с поста. Помните его?».

Алла кидает ссылку на Википедию. Затаив дыхание, перехожу по ней и чуть ли не падаю со стула на глазах у коллег и начальства.

Белов Сергей Александрович. Бывший министр образования, занимал этот пост пятнадцать лет. Ну и так еще работал в аппарате правительства на разных других должностях.

Но меня шокирует не столько то, что Костя сын бывшего министра, сколько то, что я знаю его отца.

Мое первое интервью в качестве корреспондента отдела общества в газете было не с кем иным, как с министром образования Сергеем Беловым. Помню, как у меня тряслись коленки, когда я шла на интервью. Это же целый федеральный министр, думала я тогда. Это сейчас министры для меня — обычные люди, я привыкла общаться с ними, брать интервью, поздравлять с праздниками. А в те годы для меня, провинциалки, министр был почти то же самое, что президент.

«Да ладно, что, серьезно????»

«Ну ни фига себе!»

«Охренеть»

«Вот это да!»

«Обалдеть»

«Почему сын министра работаем школьным учителем?»

В Курятник посыпалось много сообщений от всех родителей, но меня заинтересовало последнее. А ведь правда. Почему сын министр, пускай бывшего, работает школьным учителем? Это странно. По идее Костя тоже должен был стать чиновником. В идеале сменить отца на посту главы Минобразования. А он работает учителем алгебры в обычной школе. Не логично.

Быстро проглядываю Википедию. Указано, что Белов Сергей Александрович женат и имеет двоих детей: сына и дочь. Набираю в поисковике сама и вижу фотографии бывшего

министра с детьми. Это очень ранние снимки, Костя на них лет на десять моложе, а то и больше. С ума сойти. Как же мир тесен.

О Костином отце у меня исключительно хорошие воспоминания. Всего я брала у него интервью три раза. Бывший министр образования запомнился мне приятным собеседником, который хорошо относится к журналистам. Со мной он шутил, улыбался, развёрнуто отвечал на вопросы. Мне есть с кем сравнить, потому что за долгие годы работы журналистом я много у кого брала интервью. Был случай, когда один собеседник встал и ушел в середине интервью, сказав, что больше не хочет отвечать на вопросы. А еще был один чиновник, который постоянно смотрел на часы и отвечал односложными предложениями лишь бы побыстрее от меня отвязаться. Отец Кости никогда не позволял себе такого. Сейчас он, если верить Википедии, полностью ушел с государственной службы и открыл в Подмоскovie частную закрытую школу. Интересно, почему Костя не работает учителем в ней?

Ладно, я слишком много думаю о новом классном руководителе своего ребенка.

Убираю телефон в сторону и стараюсь включиться в совещание. Но мысли так и уезжают к Косте. Он похвалил моего Лешку! Господи, да я ушам своим не поверила и расплакалась от счастья. Снова хватаюсь за телефон. Открываю Курятник. Ух и настрочили там сообщений.

«Было бы замечательно, если бы Константин Сергеевич стал директором нашей школы».

Оля уже вызывает откровенное раздражение. Ну нельзя так в открытую вешаться на мужика. В конце концов, должно же быть чувство собственного достоинства. Меня просто бесят ее поползновения в сторону Кости. Каждый день таскается в школу под надуманными предложениями, а потом пишет в Курятник всякий бред. Не удивлюсь, если другие родители над ней смеются так же, как я.

Хотя мне уже не до смеха становится, если честно. Чего греха таить, Костя меня волнует. Наша ночь и наше утро не выходят из головы. При каждом воспоминании кровь приливает к щекам жаркой волной. Возможно, если бы я больше не встретила Костю, то и не вспомнила бы о первом встречном, с которым провела ночь. Но так как Аполлон теперь классный руководитель моего ребенка, не могу не думать о нем. А сегодня во время телефонного разговора... Мне показалось, или я тоже вызываю у Кости интерес?

Дура, ты, Света. Конечно, тебе показалось. Сдалась ты ему. У такого Аполлона очередь из девушек.

Тяжело сглатываю. Обидно. И больно.

На экране загорается сообщение из Курятника с пометкой @all.

«Нам нужно устроить субботник. К сожалению, наш кабинет оказался не готов к началу учебного года. В июне мы его плохо помыли, а в августе вообще про субботник забыли, так как менялся классный руководитель и было не до этого. Окна грязные, парты грязные, стулья в жвачках. Это никуда не годится. Я уже договорилась с Константином Сергеевичем, нужно прийти в следующую субботу и привести в порядок кабинет. Посмешище просто. Я прошла по другим кабинетам, все чистые, кроме нашего».

Оля скоро доведёт меня до трясучки своими попытками залезть Косте в глаза. Ни на какие субботники я ходить не собираюсь. Ни на одном не была и не буду.

«Я на субботник не приду, но могу сдать деньги на клининговую службу», печатаю со злостью и отправляю в Курятник.

Сейчас на меня повалятся гневные сообщения. Ага, вот первое от Марины с дочкой-вундеркиндом.

«Очень жаль, Светлана, что Вы не можете найти время, чтобы отодрать от стульев жвачки, которые приклеивает Ваш сын».

Фыркаю. Ничего другого я и не ожидала услышать.

«Свет, ты ни на одном субботнике за год не была. Я понимаю, что ты много работаешь, но другие родители тоже не загорают. У всех работа, а у многих еще несколько детей в семье, но все как-то находят время для класса», это уже от Оли.

Закрываю Курятник и даже не собираюсь читать дальше.

Глава 15. Драка

Костя

— Константин Сергеевич, так что насчёт театра? Предыдущий классный руководитель возглавляла его. Сейчас театр остался без руководителя.

— Предыдущий классный руководитель была учителем литературы, и театр был по ее профилю. А я преподаю алгебру и геометрию. В театре ничего не понимаю.

Ольга, глава родительского комитета, снова прибежала в школу. У нее каждый день находится для этого предлог. И что-то мне подсказывает, что половина ее предлогов — надуманные. Ольга входит в ту самую категорию раздражающих мам учеников, от которых у меня дергается глаз. И она не ограничивается личными визитами в школу. Ольга еще без конца пишет мне сообщения, в том числе поздними вечерами и по выходным.

Обычно так себя ведут девушки, которым я нравлюсь. В моей практике школьного учителя такого было не мало: и мамы учеников ко мне клеились, и старшеклассницы, и коллеги-учительницы. Я не люблю это. Их внимание слишком навязчивое, оно раздражает, намеков они не понимают, а послать прямым текстом я не могу из-за гребанных приличий. До кого-то со временем доходит, что я не готов ответить взаимностью, но есть и другая категория. Типа этой Ольги. Такие навязчивые женщины не то что намеки не понимают, они и прямым текстом не поймут.

— Я буду помогать вам с театром, Константин Сергеевич. Вы не переживайте, вы же не один будете, а со мной.

Громко вздыхаю.

— Я не переживаю, Ольга. Просто театры не входят в сферу моего интереса. Попробуйте договориться с каким-нибудь другим учителем. Вдруг кому-то будет интересно заниматься школьным театром. В конце концов, сходите с этим вопросом к директору.

— Я ходила к директору, она сказала, что театр был личной инициативой предыдущей классной.

Развожу руками.

— Ну тогда я ничем не могу вам помочь. Извините, мне пора.

И чтобы побыстрее от нее отвязаться, скрываюсь в учительской, которая у меня за спиной.

— Я просто больше так не могу! Не могу!

Резко торможу на входе, едва закрыв за собой дверь. Плачет учительница географии. Молодая девушка, на вид года двадцать три или двадцать четыре. Только после педагогического. Вокруг нее кружатся другие учительницы, ближе к пенсионному возрасту.

— Попей водички, — предлагает Людмила Николаевна.

— Ну что ты, не позволяй им так себя доводить, — обнимает за плечи Римма Васильевна.

— У меня даже перекричать их не получается! Они устраивают на моих уроках настоящий бардак! Сминают листы бумаги в комки и кидают друг в друга. А одиннадцатиклассники... — громко всхлипывает.

— Что одиннадцатиклассники?

— Они отпускают в мой адрес пошлые шутки.

— Вот сволочи! Это, наверно, Шувалов из одиннадцатого «А»? Он в прошлом году принёс в школу порножурнал и смотрел на моем уроке, представляете? — негодует Людмила Николаевна. — Я отобрала у него тот журнал, вызвала родителей. Так знаете, как отреагировал его отец? Сказал, что не видит ничего плохого в том, что сын смотрит журнал с голыми девушками. Мол, это нормально, так и должно быть.

— Не могу не согласиться с отцом этого мальчика, — подаю голос. — Вот если бы он смотрел журнал с голыми мужчинами, то да, это была бы настоящая проблема. А так все нормально. У подростка здоровый интерес к противоположному полу.

Людмила Николаевна зеленеет на глазах.

— А то, что он принёс журнал в школу и смотрел его на моем уроке, — это, по-вашему, тоже нормально, Константин Сергеевич? — упирает руки в бока.

— А это уже к вам вопрос, почему вы не смогли заинтересовать ученика на своем уроке. Видимо, журнал был интереснее той темы, которую вы рассказывали.

Географичка опустила лицо в ладони и тихо всхлипывает. Вот ее мне по-настоящему жалко. Молодая, совсем без опыта, не может заработать авторитет у детей. Сейчас старые училки науськают ее ставить всем двойки, орать, вызывать родителей в школу. Других методов воздействия на детей они не знают.

— Аж стало интересно, что же вы такого интересного рассказываете на уроках, Константин Сергеевич, что у вас дети сплошь тихие и послушные? — язвит Римма Васильевна.

— Ничего. На моих уроках дети музыку слушают, вам наверняка известна эта история.

— И вы считаете, это нормально? Так должно быть?

— Нет, не нормально. Но я не обвиняю ученика, а ищу причины такого поведения на моем уроке в себе. Значит, я недостаточно заинтересовал ученика, и мне следует подумать, как заинтересовать его сильнее.

Мой ответ не пришёлся им по душе. Училки никогда не видят проблемы в себе. У них всегда виноват ребенок.

Смотрю на часы на запястье. Скоро начнётся урок, надеюсь, Ольга из родительского комитета уже ушла, а не ждёт меня под дверью учительской.

— Желаю всем хорошего дня, — выхожу за дверь.

Ольги нет, выдыхаю с облегчением и направляюсь в свой кабинет алгебры. У меня сейчас урок с одиннадцатым классом, в котором учится тот самый Шувалов. Ну, кстати, у меня он ведет себя нормально, внимательно слушает и все записывает, хорошо выполняет домашнее задание. Возможно, поступает куда-то на экономический, и ему требуется высокий балл по ЕГЭ по алгебре.

Через несколько минут после начала урока Шувалов поднимает руку и просится к доске. Правильно решает задачу и получает от меня пятерку. Нормальный пацан. На лицо смазливый, девочкам наверняка нравится.

— Константин Сергеевич, а можно мне к доске?

На первой парте перед моим столом сидит Катя. Она склонила голову на бок и игриво вертит ручку в пальцах. Длинные темные волосы завиты в локоны, глаза аккуратно подведены стрелками, на губах розовый блеск. Катя уже попросилась ко мне в друзья во всех соцсетях, наставила лайков, прислала какую-то песню на стену. Но с алгеброй у нее серьезные проблемы.

— Идите.

Катя встает из-за парты и, цокая высокими шпильками, подходит к доске. На девочке юбка существенно выше колен и обтягивающая грудь кофточка. Мальчики побросали ручки и смотрят не в учебник и не к себе в тетрадь, а на Катины длинные ноги.

Девочка аккуратным почерком выводит на доске решение задачи. Она сходу делает ошибку, и я жду, когда это заметит кто-нибудь из учеников. Надежда на Шувалова, он такие задачи решает быстро и легко. Но парень слишком занят рассматриванием стройной фигуры своей одноклассницы.

— Ой, что-то у меня не получается... — Катя растерянно поворачивается ко мне.

Ну и зачем было проситься к доске, если не умеешь решать такие задачи? В больших карих глазах Кати мольба: помогите, Константин Сергеевич. Я объясняю ей ошибку, ставлю четверку и возвращаю обратно на место.

Потом у меня урок с восьмым классом, потом с девятым. Остается последний шестой урок: геометрия у седьмого класса. Я поднимаюсь по лестнице на третий этаж и вижу толпу школьников полукругом с телефонами в руках. Если бы они стояли толпой без телефонов, то я бы прошёл мимо. Но ребята явно что-то снимают и выкрикивают. Из-за шума в коридоре не могу разобрать их слов. Быстро направляюсь к ним, предчувствуя неладное.

— Что происходит? — расталкиваю ребят, пробираясь к эпицентру.

А там...

Леша Самсонов и какой-то мальчик дерутся друг с другом на полу. Хватаю Самсонова за портфель на спине и оттаскиваю назад. А он еще вырывается.

— Пустите, Константин Сергеевич, я не закончил с ним!

Зрители, почувствовав жареное, стали быстро разбегаться, пряча в карманах телефоны. Мальчик, с которым дрался Самсонов, продолжает лежать на полу. Тяжело дышит, рубашка порвана. Но крови нет — уже хорошо.

— Ты сдурел!? — хватаю Самсонова крепко.

— Что происходит? Кто дерётся? — по коридору несётся завуч, а за ней Людмила Николаевна. — Самсонов и Воропаев, опять вы!

— Он первый начал! — возмущённо выкрикивает Воропаев.

Завуч говорит что-то еще, но ее голос тонет в громком звонке на урок.

Людмила Николаевна помогает Воропаеву подняться с пола. Я не знаю его, не мой ученик. На вид класс пятый-шестой. Людмила Николаевна, грубо взяв Воропаева за шкирку, ведет к лестнице.

— Самсонов... — у завуча валит дым из ноздрей.

— Он сам напросился! — отвечает Лёша.

— Анна Аркадьевна, я разберусь, что произошло, — продолжаю крепко держать Лешу.

— Он только за прошлый год три или четыре раза подрался. Ко мне в кабинет немедленно. Константин Сергеевич, позвоните его матери. И родителей Воропаева тоже надо вызвать. Еще один негодяй.

— Анна Аркадьевна, — чуть повышаю голос, — Алексей — мой ученик. Я сам разберусь со всем, что произошло. Пойдем, — обращаюсь к Леше и веду его с собой в сторону своего класса.

Ученики уже ждут меня в кабинете. Когда мы с Лешей заходим, удивленно на него смотрят.

— Посиди тут до конца урока.

— Так у меня тоже сейчас урок.

— Какой?

— География.

Вспоминаю, как молодая учительница плакала сегодня в учительской. Только Самсонова ей, бедной, сейчас не хватало.

— Ничего страшного, пропустишь.

Самсонов садится за последнюю парту и с безразличным видом смотрит в окно. Волосы взлохмачены, на скуле наливается синяк, от рубашки отлетело несколько пуговиц. Я раздаю седьмому классу задания для самостоятельной работы и выхожу за дверь, чтобы позвонить Свете.

Глава 16. Зачинщик

Света

— Аллю.

Увидев на экране мобильного, что звонит Костя, я сразу почувствовала неладное. Закрылась в кабинете на ключ и плюхнулась на диван.

— Привет. Не отвлекаю?

Его голос серьёзен, без привычной мне иронии. Неприятное предчувствие усиливается.

— Нет, все нормально. Что-то случилось?

— Да, Леша подрался. Не сильно, но инцидент серьёзный. Твой сын на плохом счету у завуча и многих других учителей, они настроены к нему крайне негативно. Тебе нужно прийти в школу.

На словах о том, что Леша подрался, мое сердце рухнуло в пятки. Костя, конечно, сделал ремарку, что не сильно, но легче мне от этого не стало.

— Леша в порядке? Он сильно пострадал?

По позвоночнику змеей ползёт ледяной озноб. Я вцепилась в телефон так, что сейчас он треснет.

— Он в полном порядке. Они с тем мальчиком отделались парой синяков и порванными рубашками. Тебе нужно приехать в школу.

— Когда?

— Желательно прямо сейчас.

— Хорошо, сейчас буду.

Я кладу трубку и сразу вызываю такси. Нога после вывиха еще болит, но я уже без костылей и почти не хромаю. По дороге пишу сообщение главному редактору, что пришлось срочно уехать по личным делам.

Когда приезжаю в школу, шестой урок уже закончился. Костя написал сообщение, чтобы поднималась в его кабинет на третьем этаже. Когда вхожу, он сидит с Лешей в пустом классе, они разговаривают.

Внешне Леша не выглядит избитым. Небольшой синяк на скуле, растрепанные волосы и слегка порванная рубашка. Выдыхаю с облегчением, потому что пока ехала в такси, накрутила себя. При виде меня сын никак не реагирует. Он не боится, что буду его ругать или накажу за драку. Наверное, я слишком мягкая мать, раз ребенок не воспринимает всерьёз мои наказания.

— Добрый день, — здороваюсь с Костей. В присутствии сына не могу обращаться к нему на «ты».

— Здравствуйте, проходите.

Я сажусь рядом с Лешей за первую парту перед столом Кости. Осмеливаюсь поднять на учителя взгляд и задержать его на несколько секунд, чтобы полюбоваться мужской красотой. Костя шикарен в этой белоснежной рубашке, расстёгнутой на верхнюю пуговицу.

— Мы еще ждём родителей второго участника драки. Когда они приедут, все вместе пойдём к директору. Ситуация серьезная, потому что завуч и ряд других учителей настроены крайне негативно по отношению к Алексею. Чтобы избежать серьезных последствий в виде инспектора по делам несовершеннолетних, в кабинете директора нужно будет искренне раскаться, извиниться и пообещать, что такое больше не повторится. Обещание нужно сдержать.

Лешка безразлично пожимает плечами.

— Да без проблем раскаюсь, извинюсь и пообещаю больше никогда не драться.

То, с каким пофигистическим видом Леша это говорит, дает ясно понять, что никакого раскаяния сын не испытывает, а произнесёт речь исключительно для галочки, чтобы от него все отстали. Хотите извинений? Окей, вот вам извинения — подавитесь ими.

— Нужно сделать это искренне и убедительно, чтобы ни у кого не возникло сомнений, — повторяет Костя.

— Конечно, я извинюсь искренне. Мне правда очень-очень жаль, что я вмазал придурку Воропаеву. Больше никогда-никогда не буду так делать. Честно-честно.

— Леша, может, хватит паясничать? — строго рычу.

Костя жестом дает мне сигнал замолчать. У него звонит телефон.

— Алло... Да, пришла. Хорошо, идём.

Кладёт трубку.

— Приехала мама Воропаева, пора идти к директору. Леша, пожалуйста, сделай все, как я просил.

Сын кивает.

Пока идём в кабинет директора, я начинаю не на шутку нервничать. А вдруг Леша получил серьезную травму, которая пока не видна, но проявится позднее? А если у него сотрясение? Он ведь не признается, если будет болеть голова. Мне начинает мерещиться, что сын прихрамывает на правую ногу.

В конце концов, а из-за чего произошла драка? Вдруг этот Воропаев обижал моего Лешку?

Когда я переступаю порог кабинета директора, мое материнское сердце терзается, словно птица в силках. Там уже находятся учительница по истории, по-моему, ее зовут Людмила Николаевна, мальчик, очевидно, с которым подрался Леша, и его мать — воинственно настроенная женщина, которая смеряет нас презрительным взглядом.

— Итак, вы подрались в стенах школы, — начинает директор. — Вам прекрасно известно, что это строго запрещено и вообще недопустимо. Любые конфликты нужно решать с помощью разговоров, а не с помощью кулаков.

— Он первый начал! — возмущённо восклицает Воропаев. — Я вообще его не трогал, он взял и накинулся на меня с кулаками. А я просто защищался.

— Именно так, Галина Ивановна, — говорит его мать. — Не представляю, чтобы мой сын первым начал драку. Это исключено. Саша и муху не обидит. Но если кто-то первым на него нападает, естественно, Саша обороняется. Он, что же, должен позволять себя бить?

— А ты что скажешь? — директор обращается к Лешке. У меня кровь от лица отлила, еле держусь на ногах.

— Да, я первым его ударил, — как ни в чем не бывало, признается мой сын.

— Почему?

— А это вы у него спросите.

Галина Ивановна смотрит на Воропаева.

— Я понятия не имею, почему он на меня накинулся. Я просто стоял с друзьями на перемене.

— А может, у мальчика не все в порядке с психикой? — едко замечает его мать. — Галина Ивановна, а это нормально, что в стенах школы один ученик ни с того ни с сего набрасывается на другого?

— Позвольте вмешаться, — подаёт голос Костя, и все взоры мигом устремляются на него. — Давайте будем честны: никто из мальчиков сейчас ни в чем не признается. Поэтому, чтобы картина стала чуть яснее, я предлагаю нам всем вместе посмотреть записи с камер видеонаблюдения в коридоре третьего этажа. Возможно, после этого станет понятнее, кто первым спровоцировал конфликт.

На пару секунд в кабинете директора воцаряется тишина, а затем Галина Ивановна поднимает трубку стационарного телефона и куда-то звонит.

— Принесите мне прямо сейчас запись перемены перед шестым уроком с камер третьего этажа возле мужского туалета. Это очень срочно.

Кладёт трубку.

— Пока мы ждём запись, я бы хотела обратить внимание: — подаёт голос учительница истории. Я знаю, что она недолюбливает моего Лешку. — Алексей только что сам признался, что первым ударил Сашу.

— Вот именно, — поддакивает его мать. — Не мой сын начал драку.

— Давайте дождёмся запись, — терпеливо просит Костя.

От напряжения у меня взмокла спина. Одно радует — у Леши пофигистический вид. То есть, весь этот театр ни сколько не ранит его чувств.

Дверь открывается, входит мужчина. Не знаю, кто он. Не видела его раньше. Мужчина дает директору флешку. Она вставляет ее в компьютер. Мы все потихоньку подтягиваемся за спину к Галине Ивановне. На экране монитора запись перемены, видна часть коридора. На видео большинство детей ходят туда-сюда, а у стены возле какой-то двери стоят несколько мальчиков. В одном из них я узнаю Воропаева.

В кадре появляется Леша. Он идет мимо группы мальчиков и, уже пройдя их, резко тормозит. Оборачивается. Воропаев делает шаг от стены по направлению к Леше. Видимо, что-то говорит. В следующую секунду Леша на него накидывается. Начинается драка, мальчики падают на пол, их окружают группой другие дети. Почти сразу после начала драки появляется Костя, и оттаскивает Лешку от Воропаева. Директор ставит на паузу.

— По-моему, очевидно, что Александр сказал что-то Алексею, и это заставило его начать драку, — констатирует Костя. — Скорее всего, имело место серьёзное оскорбление. Алексей спокойно шёл по коридору и даже не смотрел в сторону Саши. Если бы Саша ничего ему не выкрикнул, драки бы не было.

— Хотите сказать, это мой сын виноват!/? — упирает руки в бока мать Воропаева.

— Да, я хочу сказать именно это. Зачинщиком конфликта является ваш сын.

— Константин Сергеевич, вы путаете словесный конфликт с рукоприкладством, — возражает Людмила Николаевна. — Саша и пальцем не тронул Лешу.

— Иногда словами можно тронуть сильнее, чем физическим ударом, Людмила Николаевна. Данный конфликт, который перерос в драку, начал Александр Воропаев. Хотелось бы узнать причину, — Костя внимательно смотрит на Воропаева.

Мальчик трусливо затрясся и в прямом смысле прячется за юбкой матери. Разительное отличие от моего Лешки, который спокойно стоит среди взрослых и никого не боится.

— Давайте вы не будете оказывать психологическое давление на моего сына, — шипит его мать.

— Давайте мы все успокоимся, — вмешивается директор. Во время словесной перепалки, она еще раз пересмотрела запись. — Оба мальчика виноваты в равной степени. Самсонов пошел бы дальше по своим делам, если бы Воропаев не остановил его каким-то высказыванием. Но драки бы не было, если бы Леша не ударил Сашу. — Директор попеременно на смотрит на мальчиков. — Вообще, жалоб от учителей на вас обоих в совокупности с сегодняшней дракой достаточно для того, чтобы пригласить инспектора по делам несовершеннолетних. Пускай он с вами разбирается.

У меня внутри все опускается. Нет, только не инспектор по делам несовершеннолетних.

Глава 17. Больше не сбежишь

— Галина Ивановна, вы меня извините, — впервые с начала встречи подаю голос, — но мой сын не преступник, чтобы иметь дело с инспектором по делам несовершеннолетних. К школе тоже есть вопросы: а почему здесь вообще возможны драки? Значит, в школе царит соответствующая атмосфера? Здесь процветает буллинг? Почему школа не следит за тем, как у учеников складываются отношения друг с другом? Лично я считаю, что ни мой сын, ни второй мальчик в драке не виноваты. Вина лежит исключительно на школе, потому что на учеников здесь всем откровенно плевать. Школа начинает шевелиться и что-то делать, только когда петух клюнет, как, например, сейчас в случае с дракой. И то, пытается скинуть ответственность с себя на инспектора.

Как бы это странно ни звучало, но у меня есть авторитет в глазах директора, потому что в прошлом году я не мало денег отвалила школе.

— У меня тоже есть, что сказать, — скрещивает руки на груди мама Воропаева. — Вы собираетесь вызвать инспектора ПДН, чтобы он разобрался с моим сыном. А кого вызвать мне, чтобы разобрался с бесконечными поборами с родителей? Прокуратуру? Министерство образования? А может, сразу жалобу в администрацию президента написать? По вашему мнению, мой сын — правонарушитель, ему нужен инспектор ПДН, а школа ничего не нарушает, когда требует деньги с родителей?

От этих слов директор бледнеет на глазах. Мысленно выражаю матери Воропаева уважение. Хотя она мерзкая, но в данном случае хорошо заткнула директрису.

— Давайте попробуем обойтись без инспектора ПДН и без жалоб президенту, — примирительно произносит Костя. — У нас не тот масштаб проблемы, чтобы привлекать третьих лиц. Я думаю, мальчики уже поняли свою ошибку и раскаялись. Так ведь? — опускает взгляд на них.

— Галина Ивановна, я очень сильно раскаиваюсь, — произносит мой Лешка без тени реального раскаяния. — Я вам обещаю, что больше никогда не буду драться. А еще буду прилично вести себя на уроках, слушать учителей и выполнять все, что они велят. Обещаю.

Я тихо вздыхаю. Потому что абсолютно всем в кабинете директора очевидно, что мой сын произнёс речь для галочки, лишь бы от него побыстрее отвязались.

— Я тоже больше не буду драться, — говорит Воропаев. — Обещаю! Извините, Галина Ивановна.

В его словах, кстати, слышится немного страха. Воропаев продолжает прятаться за юбкой матери, как будто кто-то здесь может его обидеть.

— Ладно, — нехотя соглашается Галина Ивановна. — На первый раз прощаю. Но еще одна драка — друг с другом или с кем-то другим — и будете иметь дело с инспектором ПДН.

У меня гора с плеч сваливается. Что-то мне подсказывает, что на директора повлияли мои слова и угроза матери Воропаева.

— До свидания, Галина Ивановна, — Лешка первым разворачивается к двери и вылетает из кабинета.

Я тороплюсь за сыном. Он бежит в сторону раздевалки.

— Леша, подожди.

— Мам, я опаздываю, — наспех снимает сменку и обувает кроссовки.

— Куда?

— На гитару.

Ах да, гитара. Недавно Лешка поразил меня тем, что хочет научиться играть на гитаре. В музыкальную школу не успел, поэтому пошёл на какие-то платные курсы.

— Я оставил портфель в кабинете алгебры, заберёшь его домой, ладно?

— А как же ты без портфеля?

— Он мне не нужен.

— А телефон?

— Он в кармане. Ладно, мам, я побежал. До вечера.

И со скоростью ветра Лешка проносится мимо меня к выходу из школы. А я так и остаюсь растерянно стоять в раздевалке. Леша убежал на свою любимую гитару в порванной рубашке и с синяком на скуле.

— Ваш сын порвал моему ребенку рубашку, — звучит недовольно за спиной.

Оборачиваюсь. Мать Воропаева.

— Ваш сын тоже порвал моему рубашку, — отвечаю.

— Ваша рубашка дешевая с рынка, а наша из бредового магазина.

Вообще-то, я покупаю Леше вещи в дорогих магазинах детской одежды. Но спорить с этой хамкой у меня нет ни малейшего желания.

— Если вы можете позволить себе брендовую одежду, странно, что у вас нет денег на нужды школы.

С гордо поднятой головой выхожу из раздевалки. В этот момент в коридоре появляется Костя. Он что-то говорит Людмиле Николаевне, а затем и направляется напрямик ко мне.

— Леша убежал на урок гитары. Он оставил портфель в кабинете алгебры.

— Да, пойдём.

Только оказавшись на лестнице, скрытой от посторонних глаз, я позволяю себе расслабиться. Поднимаюсь, крепко держась за перила. Близкое присутствие Кости немного волнует. Прячу лицо за упавшими на щеки волосами.

— Как нога? — спрашивает.

— Спасибо, почти хорошо, — смотрю на свои балетки.

Костя касается моей руки, чтобы помочь подняться по лестнице. Тяжело сглатываю. Он слишком сильно меня волнует. Настолько сильно, что начали дрожать колени, и я реально рискую упасть. Горячая кровь приливает к лицу, я вспоминаю, как мы занимались любовью утром в отеле. Внутренности скручиваются в узел, внизу живота разливается сладкая патока.

Какой ужас... в стенах школы...

Наконец-то мы доходим до кабинета алгебры. Костя отпускает меня, и я выдыхаю с облегчением. Он закрывает за нами дверь, она отрезает нас от внешнего мира. В пустом классе наедине с Костей волнение разыгрывается сильнее. Я подхожу к первой парте, беру Лешкин портфель, но он выпадает из рук, когда я чувствую дыхание Кости у себя на затылке.

— Как дела?

Мороз по коже пробегает.

Резко оборачиваюсь.

— Спасибо, все хорошо. Как твои?

— Тоже хорошо.

Нас разделяет пара десятков сантиметров. Костя встал ко мне вплотную.

— Наверное, устал от выходов моего сына, — не спрашиваю, а констатирую.

— Нет, ни сколько. У тебя отличный сын, я уже говорил это. Немного бунтует, но ничего страшного.

«Ничего страшного». В прошлом году я не вылезала из кабинета директора. Ну, там еще старая классная сильно масла в огонь подливала. Надеюсь, с Костей в этом плане будет легче.

— Так а из-за чего они подрались?

— Это еще предстоит узнать. Сейчас сразу после драки нет смысла пытаться, Леша ничего не расскажет. Нужно выждать немного времени.

— Хорошо.

Замолкаем на секунду.

— Ничего не хочешь мне сказать?

— Что именно?

Костя делает ко мне еще один небольшой шаг. Из-за этого я вынуждена отступить назад, но упираюсь ягодицами в парту.

— Почему ты убежала из отеля?

Потому что таким Аполлонам, как ты, неинтересны такие разведёнки с прицепом, как я.

— Возникли срочные дела.

— Ммм, как интересно, — выгибает бровь. — Что за дела? — делает еще один шаг вперед, а отступить мне уже некуда.

— Личного характера.

Костя опускает руки на мою талию. Я вздрагиваю как от удара током. Облизываю пересохшие губы, Аполлон прослеживает за этим. В следующую секунду начинаю чувствовать, как в низ моего живот упирается... его член.

Мамочки...

— Больше не сбежишь.

Я и охнуть не успеваю, как губы Кости впиваются в мои. Испуганно замираю с широко раскрытыми глазами. Тело прострелило молнией ужаса. Он целует меня! Зачем? Костя сошёл с ума.

Его губы настойчивые, требовательные. А я слишком слаба, чтобы сопротивляться. Непроизвольно опускаю веки и начинаю отвечать на этот божественный поцелуй, от которого земля под ногами плывет. Если бы Костя не держал меня крепко за талию, я бы рухнула на пол, потому что ноги стали как кисель. Я и сама хватаюсь с силой за его плечи. Аполлон ведёт одну руку вверх по моей спине, а затем она тонет у меня в волосах.

В каждой клеточке моего тела фейерверки взрываются. Потому что это ни с чем несравнимое наслаждение. Настойчивые мужские губы стирают помаду с моих. Я обнимаю Костю за шею, практически висну на нем, потому что нет сил стоять на ногах. Наверное, он понимает это, потому что ловко подхватывает меня за талию и сажает на парту. Я в платье, раздвигаю ноги, давая ему удобно устроиться посередине.

— Сумасшедший, — шепчу сквозь поцелуй. — Вдруг кто-то зайдёт? — а сама молю, чтобы не останавливался.

— Я закрыл дверь на ключ.

— А если нас по камерам увидят?

— В классах нет камер.

Костя спускается поцелуями ниже. Запрокидываю голову назад, позволяя ему ласкать мою шею и ключицы. Между ног пульсирует, я мечтаю, чтобы Костя оказался во мне. Но не в школе же! Надо срочно остановиться. А сил нет. И желания тоже нет. Я вожу ладонью по его торсу. Крепкие мышцы хорошо ощущаются даже через рубашку. Голова кругом идет, я теряю рассудок. Одна рука Кости уже у меня под платьем. Скользит вверх по тонким капроновым чулкам, переходит на внутреннюю сторону бедра и касается мокрых трусиков.

— Все, хватит, остановись, — слегка отшатываюсь назад.

Меня заливают жгучим стыдом. Мы находимся в школе. Учитель и мама ученика. Какой ужас...

— И не подумаю останавливаться.

Костя достаёт из кармана... презерватив. В шоке таращусь на него.

— Ты носишь с собой в школу презервативы!?

— Конечно.

— Зачем?

— Вдруг приспичит заняться сексом с мамой ученика.

Он только что достал его из кармана брюк, как фокусник кролика из шляпы. Значит, и в кабинете директора Костя был с ним? Пользуясь моим шоковым состоянием, Аполлон снова целует меня в губы. А в следующую секунду я слышу, как рвётся фольга от презерватива.

Глава 18. Наслаждение

Прерываю поцелуй, испуганно смотрю на Костю. Он же это не серьезно? Мы же не будем заниматься сексом в школе, в кабинете алгебры, где каждый день находятся дети? Тут в шкафах учебники, а на стенах картинки с математическими формулами.

Глядя ровно в глаза, Костя просовывает руку мне под платье и касается пальцами мокрых трусиков. Охаю и инстинктивно сжимаю бедра. У меня между ног пожар и потоп одновременно. Я хочу Костю так, как никогда никого не хотела. Он цепляет пальцем трусики и ск

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.